

**АНАСТАСИЯ
АРИСТОВА**

БЕЗУПРЕЧНАЯ

«Если у тебя будет достаточно мыла,
ты сможешь взорвать весь земной шар»

18+

Анастасия Аристова

Безупречная

«Автор»

2026

Аристова А.

Безупречная / А. Аристова — «Автор», 2026

Она — идеальный человек, солдат. Он — тот, в ком живет зверь. Их любовь — единственное, что система не смогла предусмотреть. 2223 год. Земля пережила катастрофу и эпидемию. Мир перестал быть прежним, разделился на страты. Если не соблюдать строгие правила, то люди как вид обречены. Эвелин и Ян — друзья детства, чьи пути кардинально разошлись. И теперь Эвелин живет под гнетом своего отца, главы военной корпорации Спарты. Она — лабораторная мышь в его опытах. Ее тело — набор безупречных показателей, но делает ли это ее счастливой? Ян — оборотень, вынужденный прятаться, выживать и убивать. Его народ мечтает сбросить оковы Спарты. Он — дикий, непредсказуемый и потерявший веру в людей после предательства любимой. Когда Ян попадает в тюрьму «Черный Беркут», Эвелин приходится выбирать: остаться послушной дочерью или рискнуть всем, чтобы спасти того, к кому она чувствует непреодолимое влечение.

© Аристова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Жизнь... Она красивая	7
Глава 2. Я не хочу быть такой!	11
Глава 3. Неужели так боишься?	14
Глава 4. Мусор на небе	16
Глава 5. Здесь кто-то когда-то жил	19
Глава 6. У тебя глаза меняют цвет	23
Глава 7. Это моя вина	27
Глава 8. Никто не готов	31
Глава 9. Пепел и маки	34
Глава 10. Не показывай ему!	38
Глава 11. Проект “Каир”	41
Глава 12. Доверься мне	46
Глава 13. Мое тело осталось моим	48
Глава 14. Сказ о звере и богине	53
Глава 15. Ничего не изменилось	56
Глава 16. Мертвая внутри	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анастасия Аристова

Безупречная

Пролог

2201 год. Земля

– Я жду ребенка, – произнесла молодая женщина, неуверенно входя в кабинет мужа. Голос ее дрогнул. Она крепко сцепила руки на животе.

– Что? – мужчина взревел так, что стены содрогнулись. – Как ты посмела? – его лицо перекосило отвращение, смешанное с ненавистью. – Ты меня подвела! Ничтожество! Бесплезная!

Внутри девушки все сжалось. Конечно, она ожидала такой реакции.

Мужчина начал бесцельно расхаживать по комнате, заламывая руки, его речь была быстрой и сбивчивой.

– У нас же был уговор! В следующем году, когда подойдет наша очередь на модификацию – ребенок должен быть из пробирки. С безупречным генетическим кодом. Я взял тебя в жены только ради этого шанса – получить идеальный экземпляр. Тебе оставалось бы лишь выносить. Ты – лишь контейнер! А ты самовольно позволила себе забеременеть!

– Но... – женщина запнулась, но все же договорила, – это ведь естественно. Это же счастье. Я думала...

– Счастье? – он замер и впился в нее глазами. – Ты думала? Ты вообще не создана для того, чтобы думать. – его губа дернулась, выдавая нервное напряжение. – О противозачаточных надо было думать!

Он резко обернулся, шагнул к медицинской панели в стене, извлек стерильный шприц-автомат с пробиркой. Подошел к женщине, схватил ее за руку и силой усадил в кресло.

– Что ты делаешь? – ее голос сорвался.

– Замри.

– Ты... сам будешь брать у меня кровь? – она попыталась вырвать руку. – Ты же не врач!

– Да, я военный, – отрезал он, закатывая рукав ее халата и прижимая локоть к подлокотнику. – И я брал пробы у нелюдей. – Он протер кожу спиртом. – Сейчас ты сама убедишься, что твой ребенок – заурядность. Серая посредственность.

Игла вошла в вену. Женщина сжалась, но мужчина никак не отреагировал. Он смотрел, как темно-алая жидкость заполняет пробирку, и на его губах медленно проступала жестокая самодовольная улыбка. Он резко выдернул иглу, прижал вату к месту укола, грубо вдавив большим пальцем.

– Сиди, – бросил он, отходя к декодеру генома. Экран загорелся зеленым. Система загудела, обрабатывая генетические данные плода, выделяя маркеры его умственных способностей, физических возможностей и заболеваний.

Он подошел к визору, расположенному на стене, коснулся его – и на нем появились графики, схемы, цифры.

– Вот, посмотри! Я нашел донора. Уровень интеллекта – сто восемьдесят. Ни единой генетической аномалии, все уже отредактировано. Выдающиеся показатели выносливости и силы. А ты... – он с отвращением покосился на ее живот, – носишь в себе случайную комбинацию хромосом. Ошибку.

Женщина побледнела.

– Ты говоришь о нашем ребенке, – решила она осадить его.

– Нет. – Голос мужа стал тихим, почти нежным, отчего женщине стало не по себе. – Я говорю о биоматериале, который подлежит утилизации. Завтра поедешь в клинику. Я позабочусь, чтобы подготовили все необходимое для твоей операции.

Она покачала головой:

– Нет. Я отказываюсь.

– Ты не поняла, – он шагнул к ней, взял за подбородок, заставляя смотреть в глаза. – Это не твой выбор. Ты контейнер, а контейнеры не решают. – Он повернул ее голову. – Смотри сюда на данные своего ребенка. IQ, выносливость, физические параметры, все это... – мужчина не закончил, оборвав себя на полуслове.

Читая отчет, он хмурился все сильнее. Его глаза сузились, когда взгляд уперся в выделенный красным блок.

– Мутация... – прошептал он одними губами, – не может быть.

– Что там? – женщина выглянула из-за его спины, пытаясь разглядеть отчет. – Какая мутация?

Мужчина молчал. Он подошел ближе к визору, вцепился в край стеклянной панели, и впервые за время их брака его лицо выражало не холодное превосходство, а живое, неподдельное изумление.

– С ним все... – он запнулся, – не так, как я предполагал.

– Говори! – она почти закричала, прижимая ладони к животу, словно защищая еще не рожденную жизнь.

Мужчина медленно повернулся. В его глазах смешались страх, жадность и что-то похожее на трепет.

– В отчете написано, – произнес он глухо, – мутация гена, отвечающего за уникальную память. Похоже, твоя дочь выиграла генетическую лотерею. Такие мутации встречаются раз на миллиард, и на данный момент отредактировать их невозможно. С этой конкретной мутацией носитель запоминает информацию мгновенно, с первого взгляда. Абсолютная память. – Он посмотрел ей в глаза. – Идеальное усвоение тактики, карт, языков, боевых искусств. Генетический профиль идеального солдата.

Мужчина шагнул к жене, и теперь в его голосе не было ни отвращения, ни презрения – только лихорадочный, почти безумный азарт:

– Это не просто ребенок – это готовая боевая единица. Не случайность, а феномен, – благоговейно выпалил он. – Ты родишь этого ребенка. Я отменяю утилизацию. А потом... мы решим, как использовать такой дар. Заставим работать на нас.

– Использовать? – выдохнула женщина. – Ты говоришь о нем как о вещи.

– Потому что он и есть вещь, – мужчина усмехнулся. – Самая ценная вещь, которая у меня когда-либо была. – Он провел пальцем по визору, – конечно, кое-что придется подправить. Физические данные, выносливость и силу. Но это мелочи. Я найду способ.

– Но так нельзя! – воскликнула она, но мужчина уже не слушал ее, продолжая изучать информацию.

– Девочка, – выдохнул он без тени умиления.

Глава 1. Жизнь... Она красивая

Девять лет спустя

Красные блики восходящего солнца скользили по белоснежному куполу, окрашивая его в нежный розовый. Ранняя осень еще радовала остатками летнего тепла. На крыльце появилась светловолосая женщина невысокого роста. В одной руке она несла мольберт, другой держала за руку восьмилетнюю девочку. Они двинулись к лесу мимо однотипных домиков, каких здесь находилось великое множество — аккуратных, беленых, с синими ставнями, копирующих друг друга до мельчайших деталей.

Женщина поставила мольберт так, чтобы не смотреть на возвышающийся огромный купол. Вместо этого ее взгляд упал на узкую тропинку, уходящую в лес.

— Мам, а почему мы не рисуем купол? Он же красивый, как огромный зефир, — спросила дочь, поправляя косичку.

Женщина улыбнулась, смешивая на палитре черную и синюю краски, но эта улыбка была печальной.

— Потому что настоящая жизнь прячется там. — Она кивнула в сторону тропинки: — Посмотри, как красиво небо. Наверху оно темное, но чуть ниже мы видим далекий просвет. Вот это мы и попробуем удержать на холсте, пока утро не растаяло.

— А еще у нас есть вышка от “панциря”, ее тоже можно нарисовать! — воскликнула девочка.

— Нет, это тоже не пойдет, — отмахнулась мать, и в ее голосе вдруг проступила резкость.

Девочка замолчала, надув губы, принялась чертить носком сандалии узоры на влажной от росы траве.

Женщина вздохнула, опустила перед дочерью на корточки и бережно поправила выбившийся из косички светлый локон.

— Прости, малышка. Просто вышка... она не про красоту. Она про то, что мы пытаемся забыть, когда смотрим на небо. Понимаешь?

Девочка кивнула, хотя в ее глазах оставалось недоумение. Она не понимала, почему мама каждое утро упрямо отворачивается от огромного белого купола и бетонной вышки, торчащей из-за деревьев словно скелет какого-то древнего чудовища. И рисует только то, что от них в тени: мокрые камни, папоротники, первые желтые листья, упавшие на тропинку.

Женщина мазнула кистью — на белом холсте появилось лиловое пятно, тяжелое, как предчувствие.

— Сегодня нарисует просто лес, — тихо сказала она скорее себе, чем дочери. Девочка присела рядом на траву, обхватив колени руками, и стала следить, как из хаоса красок рождается картина. Сначала просто пятна — серые, зеленые, ржаво-желтые, — а потом вдруг проступили стволы, ветки, далекий просвет.

Мужчина в черной форме возник внезапно. Его тень упала на холст в том месте, где на картине начинался проблеск света на тропинке.

— Что я здесь вижу? — голос у него был спокойный, даже ленивый, но оттого более жуткий. — Как знал, что ты можешь мне испортить ребенка. И вообще, что ты здесь устроила?

Не дожидаясь ответа, он в два шага преодолел расстояние до мольберта и резко ударил его ногой.

— Чтоб я больше этого не видел, — процедил он, не повышая голоса.

— Михаил, — тихо выдохнула женщина.

— Ребенка я забираю, — отрезал мужчина, даже не взглянув на девочку, которая зажмурившись вжалась в спину матери. — С сегодняшнего дня она будет учиться в пансионе министерства обороны при Спарте.

— Я не отдам, — голос женщины звучал обреченно. Она не отвела взгляда от леса, не посмотрела на того, кто хотел отобрать у нее дочь.

— И что ты сделаешь? — усмехнулся мужчина. — Простая медсестра, которая лишь делает уколы солдатам в Спарте. Ты никто, Анна.

Девочка всхлипнула, но тихо, стараясь, чтобы папа не услышал. Она знала, что он не одобрит этого.

— Идем, Эвелин, — мужчина грубо схватил ребенка за руку. Вскрикнув она попыталась вырваться, но он лишь сжал пальцы сильнее. — Вещи тебе собирать ни к чему. Все нужное выдадут на месте. — Взглянув на жену добавил. — Следующим летом на несколько месяцев я тебе ее верну. Каникулы у детей. Хотя зря, считаю, что отдых у детей в этом возрасте — вещь избыточная. Мне некогда с ней будет возиться. Лето — горячий сезон, зачистки никто не отменял.

Шаги удалялись, а Анна застыла, глядя на рассвет, и взглянула на купола, только когда услышала громкое:

— Мама! — крик девочки пронзил утреннюю тишину, но быстро затих.

Женщина опустилась на колени перед опрокинутым мольбертом. Подняла холст. Краски еще не высохли: лиловый, синий, капля желтого на том месте, где должна была быть тропинка к свету. Она прижала картину к груди и осталась сидеть на траве, пока розовый купол над головой не стал сначала багровым, потом серым.

Анна

3 года спустя

Я перестала ждать. В первый год я отмечала каждый день до встречи с Эвелин, но Михаил так и не привез ее. На мои вопросы о том, когда это случится, он отвечал скупой и резко: «Еще не время.» Он решил, что дочери лучше оставаться рядом с ним. Через три года надежда угасла, но внезапно он позвонил мне, и вот они оказались на пороге.

— Через три месяца вернусь, — коротко бросил Михаил и вышел за калитку, оставив дочь.

Я смотрела на нее, и сердце сжималось от того, что я видела. Эвелин изменилась. Нет, внешне она осталась такой же: светлая косичка, чуть вздернутый носик, веснушки. Но теперь она стояла выпрямившись, как солдатик. Вместо цветастого платья на ней была темно-серая форма. Она не бросилась на шею. Не закричала «мама!», как могла бы это сделать еще три года назад. Просто посмотрела — спокойно, изучающе — и коротко кивнула.

— Здравствуй. — Одно слово. Сухое, безжизненное.

Я подошла ближе, присела, раскрыла объятия, но дочь не шагнула в них. Только позволила поцеловать себя в макушку — и то после секундной заминки, словно решая, разрешено ли это уставом.

— Ты выросла, — прошептала я, но в голосе не было радости. Только горечь.

— Меня перевели в старшую группу досрочно, — ответила Эвелин ровным, ничего не выражающим тоном. — По результатам тестирования. Моя уникальная память помогла мне в этом. Михаил мной гордится.

Я поджала губы.

Мы вошли в дом.

— Ты голодная?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Я купила тебе платья. Они в шкафу, в твоей комнате. Переоденься.

Эвелин развернулась, и только сейчас я заметила едва уловимый шрам у нее на шее. Он еще был красным, воспаленным. Метка. Надзиратели, как правило, не носили меток, в основном они ставились заключенным и воинам Спарты. Но Михаил решил по-своему, ему

же надо следить за своим “успешным образцом”. С медицинской точки зрения я знала, что прямого вреда девочке чип не причинит. Конечно, слухи о метках ходили разные — про сбои, про воспаления, и даже отказ органов. Но случаи не подтвержденные, официальные данные это опровергали. Я убеждала себя, что Михаил все сделал в лучшем виде, и здоровью Эвелин ничего не угрожает. Меня больше волновала нравственная сторона вопроса. Михаил будет следить за дочерью: за тем как формируется ее тело, какие эмоции испытывает. Будет следить за ее передвижениями, за каждым вдохом.

Я опустила глаза. Что я могла сделать? Снять метку нельзя — она запрограммирована на смерть носителя при попытке вскрытия.

Я почувствовала, как внутри все сжимается в холодный, липкий ком. Злость на мужа. Стыд за то, что не могу ничего изменить. Я хотела кричать, рвать и метать, но вместо этого просто выдохнула и закрыла глаза. Бесполезно. Бессмысленно.

Я прошла на кухню. Активировала на панели приготовление чая. Хотела занять себя хоть чем-то, лишь бы отогнать эти угнетающие мысли, не чувствовать эту неловкость перед Эвелин, не ощущать ее холодность. Смотря в окно, я размышляя над тем, как вернуть ребенка обратно. Не в дом — в детство. Вернуть мою добрую, эмоциональную Эвелин. И есть ли у меня хотя бы три месяца, чтобы это сделать? Я понимала, что Михаил может в любой момент вернуться.

Дочь появилась спустя несколько минут. Я услышала легкие шаги — четкие, размеренные. Она остановилась в дверях кухни. На ней было одно из платьев — небесно-голубое, с вышитыми ромашками.

Эвелин держалась прямо, но в глазах едва заметно мелькнула растерянность.

— Оно... красивое, — произнесла она с паузой, будто подбирая правильное слово из давно забытого языка.

— Пойдем прогуляемся. А вернемся — выпьем чай. — Произнесла я подбадривающе.

В лесу мы шли молча. Не было тех вопросов, которыми она сыпала без устали раньше, хоть и знала на них ответы. Я же не знала, с чего завести разговор.

Привычным маршрутом мы достигли озера. Зеркальная вода была неподвижна. В прибрежной тине я заметила студенистые прозрачные комья икры, прилипшие к корягам и прошлогодним листьям. Сотни маленьких черных точек в “желе” — будущие головастики, будущие лягушки, будущие песни на вечерней заре. Я указала дочери на них.

Эвелин замерла.

В первый раз за этот день ее лицо потеряло маску отстраненности. Глаза расширились. Губы приоткрылись.

— Мам... можно я ее потрогаю? — спросила она меня, и в голосе прорезалось то самое — живое, восторженное восхищение.

— Только аккуратно, — тихо ответила я, боясь спугнуть этот миг. — В ней будущие головастики.

Эвелин опустилась на колени прямо в сырой песок, не обращая внимания, что платье может промокнуть. Осторожно она погрузила пальцы в прохладную воду и легко ткнула студенистый ком.

Икра дрогнула, качнулась, но не лопнула.

— Какая она, Эвелин? — задала тихий вопрос.

— Она мягкая. Но не слабая, упругая и в то же время нежная. Она... живая. — с благоговением произнесла девочка и тут же с грустью добавила. — Нас учат, что живое — это то, что можно сломать. Что имеет цену, только если его можно использовать. А если нет, то зачем оно вообще? — Дочь подняла глаза — и я увидела в них страх. Страх от своего собственного восхищения. — Папа говорит, — тихо, почти шепотом, продолжила Эвелин, — что живое, не имеющее ценности, надо уничтожать. Чтобы не тратило ресурсы.

Я похолодела.

— В Спарте нас учат так: если что-то нельзя приспособить для обороны, накормить солдат или обменять на патроны — это мусор. — Девочка снова посмотрела на икру, и в ее взгляде боролись два мира: тот, где она присела на корточки у озера, и тот, где стояла на плацу. — Лягушки... они же маленькие. Их мясо не идет в рацион. Их кожа не защитит от радиации. Они просто... поют. И мешают спать. Папа бы наверняка сказал, что их всех нужно уничтожить. Не имеет значения, что они являются частью экосистемы. Экосистему тоже можно изменить. — Она замолчала. — Но тогда... — Эвелин опустила голову, но я видела, что на глаза дочери навернулись слезы. — Если ее надо уничтожить, почему мне хочется... защитить ее? Почему она... красивая?

Я осторожно, боясь спугнуть, взяла дочь за руку.

— Потому что внутри тебя, Эвелин, есть то, что не сможет вытравить никакая Спарта, — сказала я тихо. — Даже твой отец. Потому что ценность жизни не в том, можно ли ее использовать. А в том, что она — есть. Просто есть. И поет по ночам. И это единственное, что настоящему важно.

Девочка не ответила. Но ее пальцы чуть заметно сжали мою ладонь.

Мы встали и тихо побрели домой.

Как ни странно, Михаил в этот раз сдержал слово, и в последующие года тоже. Он привозил ко мне дочь раз в год ровно на три месяца. И каждый раз я возвращала девочку к жизни.

Глава 2. Я не хочу быть такой!

Еще 4 года спустя

Эвелин, 15 лет

Я неспешно помешивала чай в кружке, когда услышала, как мама задумчиво прочитала в ленте сообщений на джабоне:

— В горах Кавказа и в регионе Спарты-1 возросла популяция волков и были замечены снежные барсы. Ученые не могут точно сказать, связано ли такой рост численности животных с изменением климата.

Мама посмотрела на меня внимательно.

— Эвелин, будь аккуратней на прогулке, — сказала она, помешивая остывший чай. — Звери бродят. — подумала и добавила. — И нелюди.

От ее слов я напряглась. Я читала отчеты Спарты и помнила в них каждое слово. Нелюдей уже не существует. Воины Спарты уничтожали людей, и я совсем не понимала, почему так происходит. Конечно, спросить у отца я не могла. Но почему мама говорит такое? Она же все прекрасно понимает, но все равно повторяет слова, которые надзирателям и воинам вбивают в головы изо дня в день? Во мне поднялась жгучая злость.

Не поднимая глаз от кружки, я взяла себя в руки и спокойно произнесла:

— Мам, вирус давно победили. Нелюдей нет. Официальные данные. — Я отхлебнула горьковатый чай. — Ты же сама работаешь в Спарте. Должна знать.

Мать на мгновение замерла. Я заметила, что ее пальцы сжали кружку сильнее.

— Вирус победили, это правда, — тихо сказала она. — Но нелюди... это не только про вирус, Эвелин. Есть те, кто остался вне лагерей. Кто знает, что у них в головах после всего. Ты должна опасаться их.

— Почему? — Я подняла на нее глаза.

Мать отвела взгляд.

— Потому что... — Она запнулась. Взяла чашку, поставила обратно. — Просто должна. Так надо.

Ее смирение всегда меня злило. Но почему она такая? Она всегда делала то, что ей говорят. Я не хочу так! Не хочу быть такой!

Я резко встала. Кружка звякнула о блюдец, расплескав несколько капель на стол.

— Я пошла.

Не дожидаясь ответа, я вышла из кухни, из дома. Дверь хлопнула громче, чем я хотела.

По-весеннему свежий воздух ударил в лицо. Я глубоко вдохнула и зашагала к лесу, прочь от белого купола, прочь от маминого молчания, прочь от всего, что душило меня здесь.

Знакомая до каждой кочки тропинка вилась между деревьями. Я шла быстро, почти бежала, пока сердце не заколотилось где-то в горле.

“Они просто люди, никакие не нелюди — подумала я, — разве можно так о живом существе? Сама же учила... А сейчас.”

Я остановилась у старого дуба, прислонилась спиной к шершавой коре и закрыла глаза.

— Почему она не может просто... — прошептала я в пустоту, но мои размышления превратилось в громкое: “Мяу!”

Я подняла голову и увидела на дереве рыжего кота. Он грустно смотрел вниз, перебирая лапками, явно раздумывая, как ему спуститься. Я знала, что коты легко залезают вверх, но очень плохо спускаются.

Может, он кого-то испугался? Я огляделась, прислушалась, но никого не услышала.

И снова “мяу” — теперь оно звучало тише и жалобнее, будто бы в этот момент кот обращался именно ко мне.

— Я спасу тебя, — произнесла я, рассматривая дерево и думая над тем, как на него забраться.

Я плотно прижалась к шершавому стволу, ощутив кору ладонями. Ветки росли низко — спасибо старому дубу. Ухватившись за самую толстую, я подтянулась и поставила ногу на соседний сук. Подняла взгляд. Кот посмотрел на меня сверху огромными глазами и жалобно пискнул. Я полезла выше, стараясь не смотреть вниз. Моя одежда противно скрипела по коре, волосы цеплялись за мелкие прутики. Я перехватывала ветку за веткой, царапая локти и колени, но упрямо лезла. Еще одно усилие — моя рука дотянулась до кота... я успела схватить его за шкурку. Ветка под ногой предательски хрустнула. Я не успела даже вскрикнуть, как мир перевернулся. В голове промелькнули десятки мыслей: что можно было бы предпринять, но высота слишком мала для маневров, однако достаточна, чтобы сломать себе что-нибудь.

Я зажмурилась, готовясь к удару о землю, но вместо этого чьи-то руки подхватили меня. Рывок — и я уже стояла на ногах, и тут же почувствовала, как кот вырвался из моих рук, сильно оттолкнувшись от меня задними лапами.

— Жива?

Я открыла глаза. Передо мной стоял парень. Наверное, чуть старше меня. Короткие русые волосы, на скуле — ссадина, еще свежая. А глаза... странные: светло-карие, почти желтые, как у того кота, который только что сидел на дереве. Он улыбался мне краем губ.

— Ты вообще видела, куда лезешь? — спросил он, и в голосе не было насмешки — только удивление пополам с беспокойством. — Ветка гнилая была. Я снизу заметил. Крикнул тебе: “Эй, слезай!” — а ты хоть бы ухом повела.

— Я спасала кота, — ответила я, отряхивая подол платья. Голос прозвучал глухо, не так, как хотелось бы.

— Я видел, — парень кивнул куда-то в сторону кустов.

Я поджала губы. Хотела сказать что-то язвительное про кошачью неблагодарность, но слова застряли в горле. Я вообще не привыкла разговаривать со сверстниками — отец запрещал.

— Да, сбежал и даже не поблагодарил, — наконец выдавила я.

— Коты не благодарят. — Он усмехнулся, и ссадина на скуле смешно сморщилась. — А вот людям, иногда стоит. — сказал он явно намекая на то, что его надо отблагодарить.

Я нахмурилась.

— Спасибо, — выдавила. Отчего-то это слово далось мне тяжело.

— Пожалуйста, — просто ответил он.

Повисла пауза. Я стояла и рассматривала его — от драных джинсов до необычных... зеленых глаз. Стоп! Но они же только что были жеелтыми! Неужели привиделось? Наверное. Он в ответ явно рассматривал меня. В его взгляде не было того, к чему я привыкла: ни холодной оценки, ни пренебрежительного отношения. Просто... любопытство.

“Нелюдь”, — подумала я, и внутри все сжалось. Впервые я видела человека вне Спарты. Это было волнительно с одной стороны, а с другой — мне не совсем понятно, как реагировать. Наверное, надо хотя бы представиться. Я протянула руку:

— Меня Эвелин зовут.

Парень взглянул на мою ладонь, потом на лицо. И усмехнулся — мягко.

— Эва, значит, — сократил он мое имя. В его устах оно прозвучало иначе — короче, теплее, необычно, и я не поняла, нравится мне это или нет. Он взял меня за руку. Пожал — спокойно, без лишней силы, но и не выпускал. Его ладонь была теплой, чуть шершавой, с твердыми мозолями. — А меня зовут Ян.

И тут мне показалось, что его лицо изменилось. Совсем чуть-чуть — на мгновение. Губы приоткрылись, и оттуда блеснули клыки.

Сердце пропустило удар.

Я моргнула — и видение исчезло. Скорее всего это просто отблеск яркого солнца.

— Я-Ян, — протянула я. Мне тоже захотелось сократить его имя, но оно и без того было короткое. Уступать ему не хотелось, я неожиданно для себя выпалила: — У тебя такое резкое и наглое имя!

Ян не обиделся. Наоборот — он вдруг рассмеялся, да так звонко и открыто, будто я сказала что-то невероятно смешное.

— Резкое и наглое, — повторил он, все еще улыбаясь. — А ты, Эва, — прямолинейная.

— Я не «Эва».

— А я не наглый, — парировал он легко.

Я хотела возразить, но он вдруг отпустил мою руку — я и не заметила, что он все еще держал ее.

— Ладно, раз ты такая героическая, — он глянул на дуб, с которого я свалилась, — а я такой... наглый, может, составишь мне компанию? Я здесь неподалеку ловлю рыбу. Хочешь присоединиться? — Он помолчал и добавил с той же легкой усмешкой: — Или ты боишься?

Я выпрямилась.

— Я ничего не боюсь.

— Отлично. — Ян развернулся и пошел, даже не обернувшись. — Тогда за мной.

Я двинулась следом. Чего скрывать, мне было любопытно.

Глава 3. Неужели так боишься?

Эвелин

Ян шел не оборачиваясь. Я едва поспевала — мои сандалии скользили по влажной траве.

— Долго еще? — спросила я, когда мы свернули в заросли орешника.

— Терпение, Эва, — бросил он коротко через плечо.

Я стиснула зубы. Терпение. Меня учили терпению на плацу, когда заставляли стоять неподвижно два часа под дождем. Но сейчас внутри все кипело — от смеси страха, злости на саму себя и жгучего, почти запретного любопытства. Зачем я иду за ним? Почему не развернулась?

Орешник расступился, и мы вышли на небольшую поляну. Там, заваленный ветками, стоял трайк. Ян подошел к нему и бережно начал убирать самодельное укрытие. Трайк не был похож на тяжелые военные машины, которые я видела в Спарте, не напоминал и даже отдаленно легкие флайджеты. Скорее это был квадроцикл, который я видела на иллюстрациях из справочника истории о техническом прогрессе человечества, только он был длиннее. С двух сторон — спереди и сзади — по два мощных колеса. Рама казалась усиленной, а по бокам располагались щиты для защиты от осколков.

— Это твой? — спросила я, не скрывая удивления.

— А чей же еще? — Ян похлопал по сиденью, как по старому другу. — Зовут Стрекоза. Не обижай ее. Она старенькая, но верная.

— У транспорта не бывает имен, — отрезала я по привычке.

— Бывает, если ты с ней ночи в горах коротал, — сказал он тихо. — Садись.

Он ловко перекинул ногу через трайк, устроился спереди, привычно положив руки на руль. Потом оглянулся на меня.

— Ну?

Я стояла, не двигаясь. Не совсем понимая, что делать, во мне будто боролись две сущности: та которая была непримирима сейчас с кем-либо ехать и та, которой было любопытно, но страшно.

— Залезай, Эва, — подтолкнул он меня.

Я неуверенно шагнула. Мне было неудобно садиться на трайк: юбка норовила задраться, ноги в сандалиях скользили по гладкому пластику подножек. Я неуклюже устроилась на жестком сиденье, и только тогда поняла, что между мной и Яном нет никакой спинки. Вообще ничего. Только он впереди, и я сзади.

Я замерла.

— Держись за мои плечи. Или за талию — как удобнее. Если страшно — скажи. Заорешь — я не обижусь, — он усмехнулся. — В поворотах не дергайся — я все чувствую. Если мы будем двигаться несогласованно, — можем опрокинуться.

— Поняла, — выдохнула я.

— Ну, — Ян повел плечами, подгоняя.

Медленно, словно совершая что-то запретное, я положила ему ладони на плечи.

— Крепче.

Я сжала пальцы. Он чуть повернул голову:

— Так боишься? — спросил тихо.

— Я ничего не боюсь, — повторила я.

Ян ничего не сказал. Просто завел трайк, и двигатель зарокотал тихо. Стрекоза чуть завибрировала подо мной.

— Поехали, — бросил Ян.

Мы тронулись.

Сначала медленно — трайк покатился по траве, объезжая кочки. Я держалась за плечи, стараясь держать спину прямой, как учили в Спарте. Не сутулься. Не поддавайся. Контролируй тело.

Потом Ян вырулил на грунтовую дорогу — и рванул.

Я вскрикнула. Негромко, но он услышал — его плечи чуть напряглись под моими ладонями. Ветер ударил в лицо.

— Держись лучше! — крикнул он. — Сейчас поворот!

Я инстинктивно сжала пальцы сильнее, но этого показалось мало. Я отпустила его плечи, скользнула ладонями ниже — и обхватила за талию. Прижалась к его спине и почувствовала тепло, идущее от него. Чувство было странным — неправильным, запретным. В Спарте нас не учили обнимать. Нас учили держать дистанцию, контролировать пространство, быть готовыми к атаке.

Я зажмурилась, потом открыла глаза.

Деревья летели мимо, сливаясь в зеленые полосы. Небо над головой было огромным, бесконечным. Трайк мягко покачивало на ухабах, и я поймала себя на том, что невольно подаюсь корпусом вперед, ближе к Яну.

Я положила голову ему на плечо — сама не знаю зачем.

Ехали недолго, минут пятнадцать, не больше, а затем снова свернули в лес, чтобы спустя пару минут выехать к прибрежной зоне. Перед нами раскинулась широкая темно-синяя река.

— Приехали, — сказал Ян и заглушил мотор.

Я не сразу разжала руки. Просто смотрела на воду и слушала, как вода плещется о камни, как кричат чайки. Ян тоже не двигался, не торопил. Сидел, положив руки на руль, и ждал.

Потом я медленно отпустила его, отстранилась.

— Слезай, — сказал Ян, спрыгивая на землю.

Я перекинула ногу через сиденье — и чуть не упала. С непривычки ноги затекли. Он подхватил меня под локоть.

— Ничего, привыкнешь, — сказал он, отпуская мою руку. — В следующий раз сама за руль сядешь.

— С чего ты взял, что будет следующий раз? — спросила я, выпрямляясь.

Ян посмотрел на меня, улыбнулся.

— А с чего ты взяла, что его не будет? — ответил он вопросом на вопрос.

Я не нашлась, что сказать.

— Пойдем, — позвал он, отворачиваясь. — Покажу, как надо рыбачит. И учти, Эва: рыбу ты чистишь сама.

— Я ничего такого не обещала! — возмутилась я.

— А я не говорил, что ты обещала, — усмехнулся он, шагая к воде.

— Все же ты наглый, — не удержалась я.

— Ага, — коротко произнес, не обращая на меня внимания.

Похоже, мои выпады его всего лишь забавляли.

Глава 4. Мусор на небе

Эвелин

Устроившись на берегу, Ян ловко забросил удочку. Я сидела рядом на траве, теребя травинку, и не решалась первой нарушить молчание. Тишину разбивал только плеск воды и стрекот кузнечиков.

— Эва, а что ты делала в лесу одна? — спросил он, не глядя на меня.

— Гуляла. Хотела успокоиться и послушать птиц, — честно ответила я. — В пансионе, на плацу, этим не насладишься.

На мои слова Ян отреагировал быстрым хмурым взглядом, прошелся по фигуре и, нахмурившись, посмотрел на воду. Впервые я увидела его серьезным.

— Да, мы с тобой из разных миров, — подтвердила я его мысли.

— Доложишь обо мне? — спросил Ян, не глядя на меня. В его голосе не было страха, скорее спокойное любопытство.

— Нет, я ни перед кем не отчитываюсь, — ответила я, может быть, слишком резко. Поймала себя на мысли, что мне вдруг стало обидно. С чего он вообще взял, что я похожа на тех, кто бежит с доносами? — Я вообще сама по себе. Учусь там, потому что так надо. А живу — здесь. Летом.

Ян молча кивнул. Натянул леску, поправил поплавок. Руки у него были смуглые, в мелких царапинах, пальцы длинные — не то что у мальчишек в пансионате с их вечно чистыми ногтями и гладкой кожей.

— А ты не боишься? — спросил он тихо. — Со мной вот сидишь. В лесу. Вдруг съем.

— Ян, не говори глупостей! Вирус давно побежден!

— А гонения на тех, кто не в элите, не солдат и не житель лагерей, остались.

Я обреченно кивнула:

— И это вряд ли изменить, — с грустью произнесла я.

Сейчас, глядя на Яна, я отчетливо поняла, что все, что нам рассказывают, ложь. Или, по крайней мере, не вся правда.

Ян в этот момент потянул на себя, осторожно снял с крючка маленькую рыбешку и отпустил обратно в воду.

— Маленькая еще, — пояснил он, поймав мой взгляд. — Подрастет — поймаю.

Я не знала, что сказать. Его действия, его слова выбивали меня. Он переворачивал все, во что я верила. Раньше я только чувствовала, что что-то не так. А сейчас — видела.

— Ты давно здесь живешь? — спросила я, чтобы хоть что-то спросить.

— Нет, мы вынуждены кочевать, чтобы нас не поймали. — Нельзя нам долго на одном месте сидеть. Патрули Спарты все рыщут.

— И так всю жизнь? — спросила я шепотом.

— Почти всю, — он наконец повернулся ко мне. В его глазах не было жалости к себе. Только усталость. И какая-то странная, не по годам спокойная решимость. — Но я изменю это. — Ян снова забросил удочку, глядя на поплавок, качающийся на темной воде, задумчиво произнес. — Вот ты говоришь, что ничего нельзя изменить, я не согласен. Если люди прошлого могли, то я тоже что-нибудь придумаю. Знаешь, Эв, в старых фильмах много о том, что воля, стремление и отвага могут все изменить. Люди шли против устоев, и у них получалось.

— Фильмы? — тихо выдохнула я.

— Да, художественные фильмы, те, которые сейчас запрещены под предлогом, что они провокационные.

Я кивнула. У нас в пансионе мы смотрели только научные записи, но говорят есть другие, старые. Я никогда их не видела. Сейчас такие снимать запрещено.

— Например, фильм «Бойцовский клуб» по книге Чака Паланика, — продолжал Ян. — Я посмотрел его недавно. Представляешь, нашли старую флешку, данные сохранились.

Наш разговор принял неожиданный поворот, но он меня не пугал, наоборот, мне было интересно.

— А о чем он? — спросила я тихо. — Твой фильм?

Ян усмехнулся.

— О том, что иногда, чтобы что-то обрести, нужно потерять все. О том, что вещи не делают нас теми, кто мы есть. О том, что если сидеть тихо и бояться, то так и сгниешь в своей тихой, удобной клетке, — он помолчал и добавил почти шепотом: — И о том, что первый шаг к свободе — это перестать верить тому, что тебе говорят сверху.

Я опустила глаза. Внутри все взбудоражилось, зашумело. Меня учили, что порядок — это безопасность. Что Спарта защищает нас.

— Но самое интересное в нем, знаешь что?

— Что?

— То, что главный герой смог изменить порядок, используя то, что элита выкидывала.

Я удивленно посмотрела на него.

— И что это? — я даже наклонилась к нему ближе.

Он быстро взглянул на меня, усмехнулся своим каким-то мыслям:

— Знаешь, Эв, я, пожалуй, не буду тебе рассказывать. Когда-нибудь мы посмотрим его вместе. Но не сейчас... Все же мала ты еще.

Раздражение вновь овладело мной. Мала?

Я досрочно переведена в старшую группу. Я сдаю нормативы лучше парней на два года старше меня. Я умею читать карты, вести тактический бой и разбирать оружие с закрытыми глазами. А он говорит — мала.

Ян глянул на меня искоса, его взгляд был чуть насмешливый:

— Не злись, Эва. — Он легко толкнул меня плечом. — Всеу свое время. Взросление — это не про возраст. А когда первый раз по-настоящему страшно становится. Не за себя. За кого-то другого.

Я хотела возразить. Но слова застряли в горле. Потому что он смотрел на воду спокойно, без бравады. Возможно, он был прав.

Дальше сидели в молчании, каждый размышлял о своем. Ян поймал несколько рыбин чуть больше, чем с ладонь. Показал, как чистить. И я все же занялась этой грязной работой.

Он как раз развел огонь, когда я закончила с рыбой.

— Готово, — произнесла с удовлетворением от проделанной работы.

— Отлично, — Ян извлек откуда-то из недр трайка треногу с котелком, установил над костром.

Я сидела на траве, обхватив колени, и смотрела, как он колдует над будущей ухой. Ян бросил в кипящую воду рыбу, картошку, лук и какую-то зелень. Я смотрела на огонь, и в этот момент чувствовала себя самой счастливой. Перевела взгляд на небо:

— Ян, смотри первые звезды! — я указала на одну из светящихся точек.

Ян хмыкнул.

— Это не звезды, Эва. Это спутники. Старые. Еще с двадцать первого века. Тогда их запускали сотнями. Для связи, для слежки, для... уже никто не помнит для чего. А теперь они висят там. Мусор.

Я замерла.

— Не может быть, — мой голос дрогнул. — Мама говорила... она говорила, что это звезды. Что можно загадывать желание.

— Твоя мать, Эв, — сказал он негромко, — очень романтична, судя по всему. — Он помолчал, подбирая слова. — Это мусор на небе. Просто железо.

Я смотрела вверх.

Мусор.

Железо. Значит, это опять мамины сказки.

Мы молчали долго. Смотрели на небо — на этот мертвый, ненужный, никому уже не служащий мусор, который мерцал над нами.

— Можно я загадаю желание? — спросила я тихо. — Даже если это не звезды?

— Загадывай, — ответил Ян.

«Я хочу, чтобы этот день не кончился».

Глупо, конечно, моему желанию не суждено было сбыться. Но здесь и сейчас я была самая счастливая во всей вселенной.

Ян разлил уху по тарелкам. Суп получился наваристым, чуть горьковатой от трав, но я ела и нахваливала. Ян только усмехался.

— Не льсти, Эва. Я знаю, что соль забыл.

— Вкусно, — упрямо повторила я. — И не спорь.

Он разлил остатки, мы ели молча, глядя, как догорает костеер.

— Поздно уже. Отвезу тебя обратно. — Ян встал.

Я кивнула соглашаясь, как бы грустно ни было, но нам пора было прощаться.

Дорога назад была медленнее. Ян вел аккуратно, объезжая корни и ямы, а я сидела сзади, прижимаясь щекой к его спине

— Эва, — позвал он, когда трайк остановился на опушке.

— Ммм?

— Ты завтра придешь?

Я слезла, поправила сбившуюся юбку.

— А ты будешь ждать?

Он усмехнулся.

— Да.

Я хотела сказать что-то еще — острое, подкалывающее, но передумала и просто ответила:

— Тогда приду.

Он кивнул, развернул трайк и уехал в темноту.

Глава 5. Здесь кто-то когда-то жил

Эвелин

Я проснулась, когда солнце начало пробиваться сквозь шторы, и его лучи рисовали на стенах длинные золотистые полосы.

За окном чирикали птицы, тихо звякнула посуда на кухне. Мама готовила завтрак. Я лежала на спине, смотрела в белый потолок и улыбалась. Просто улыбалась. Ни за чем. Без причины. Эйфория от вчерашнего вечера не проходила. Всю ночь я проворочилась, то вспоминая день с Яном, то представляя какой будет следующий.

Потянулась и соскочила с кровати. Надела платье, умылась, расчесалась и пришла на кухню.

За завтраком мама смотрела на меня странно.

— Ты какая-то другая, — сказала она, наливая чай.

— Просто выпалась, — ответила я, не поднимая глаз.

Она не поверила. Я это видела.

— Эвелин, если что-то будет происходить в твоей жизни, ты всегда можешь мне довериться, — тихо добавила она, убирая кружку в мойку.

Я покачала головой:

— У меня абсолютно ничего не происходит, — старалась, чтобы голос звучал твердо.

Мама на мгновение замерла у мойки, не оборачиваясь. Ее плечи чуть напряглись, как будто она хотела что-то сказать, но сдержалась. Она выключила воду, вытерла руки о полотенце и медленно повернулась ко мне.

— Эвелин, — она подошла ближе и села напротив. — Не надо врать мне, — тихо сказала она.

Я открыла рот, чтобы возразить.

— Не надо. Я не спрашиваю, кто он. Не спрашиваю, где вы встречаетесь. Просто будь осторожнее.

— Мам... — начала я.

— Я не буду тебя отчитывать, — перебила она. — Не буду запрещать. Боги знают, я не имею права запрещать тебе чувствовать. Твой отец... — она запнулась, отпустила мои руки и отвела взгляд. — Твой отец забрал у меня слишком много. Не хочу, чтобы и у тебя он забрал это.

— Что — «это»? — спросила я шепотом.

Мама посмотрела на меня:

— Способность радоваться, — ответила она. — Любить. Мечтать. Он делает из тебя солдата, Эвелин. Но солдаты не улыбаются просто так по утрам. Солдаты не светятся изнутри. А ты светишься. Я рада. Но будь осторожна.

Я опустила глаза. Не могла смотреть на нее.

— Я не могу тебе рассказать, — выдавила я. — Если он узнает...

— Я знаю, — тихо сказала мама. — Поэтому я не спрашиваю.

Она встала:

— Ешь. Остынет.

Я поднесла кружку к губам, тихонько подула.

— Мам, — позвала я, опуская кружку.

— Ммм?

— А ты... ты веришь в любовь? В настоящую? Такую, ради которой можно рискнуть всем?

Мама замерла. На секунду мне показалось, что она не ответит.

— Верю, — сказала она наконец. — Иначе зачем вообще жить?

Она улыбнулась — грустно, тепло, понимающе. Постучала пальцами по столу, как делала всегда, когда хотела сказать что-то важное, но не решалась.

— Будь осторожна, дочка, — добавила она шепотом. — Ради него. И ради себя.

Я кивнула.

Мама отвернулась к плите, но я видела — она улыбается.

Я быстро расправилась с едой, поставила посуду в мойку, поцеловала маму в щеку и выскользнула за дверь.

Ян ждал у дуба. Сидел на траве, прислонившись спиной к шершавому стволу, и что-то строгал ножичком.

— Опаздываешь, — сказал он, не поднимая головы.

— Но мы же не обуславливались о времени, — парировала я.

— Но я же уже здесь, — он покосился на меня, усмехнулся.

— Ладно, — он встал, стряхнул травинки с джинсов. Посмотрел на меня и улыбнулся.

— Сегодня будешь учиться водить Стрекозу.

Я замерла.

— Прямо сейчас?

— Нет, через год, — он театрально закатил глаза. — Конечно, сейчас. Или ты передумала? — его внимательный взгляд устремился на меня.

— Нет, конечно! Я готова. — выпалила я.

— Вот и проверим.

Он пошел вперед, как обычно не оглядываясь. Я пошла следом.

Трайк стоял в зарослях дикой малины.

Вытащив его из зарослей, Ян похлопал по сиденью.

— Садись спереди.

Я поджала губы. Было волнительно, я и флайджет пока не водила где было все автоматизировано, не говоря уже о такой технике.

Я неуверенно перекинула ногу через сиденье, устроилась спереди. Ян сел сзади — и я почувствовала его руки на своих.

— Руки на руль, — его голос звучал прямо у уха. — Сначала научишься передачу переключать. Выжми сцепление.

— Какое сцепление? Это же...

Я не договорила. Потому что ощутила, как он позади меня наклонился, его ладонь легла на мою лодыжку, а пальцы аккуратно поставили ногу на какую-то педальку.

По коже пробежали мурашки. Щеки вспыхнули мгновенно — я чувствовала, как они горят, и молилась, чтобы он не заметил.

— Это педаль переключения скоростей, — прокомментировал он, выпрямившись, и его голос снова зазвучал прямо у моего уха. — Один раз толкаешь вперед — первая передача. Второй — вторая. Чтобы понизить — толкаешь пяткой назад. Попробуй.

Я кивнула, боясь, что голос дрогнет.

— Выжми сцепление, — его левая рука легла на мою, помогая сжать рычажок на руле. У меня перехватило дыхание.

— Теперь передачу ногой, — напомнил он.

Я толкнула педаль.

— Так, — тихо выдохнула я. От его действий, от того, как близко он находился, мне казалось, что не только щеки уже горят красным, но и уши. И шея.

— Теперь верни педаль передачи в исходное положение. Отпусти сцепление, заведи Стрекозу и повтори все сначала.

Я перевела дыхание, заставила себя сосредоточиться. Еще раз четко выполнила все действия — только теперь с включенным двигателем.

— Отлично, — в его голосе послышалась усмешка. А может, просто показалось. — А сейчас потихоньку отпускай сцепление. Не сильно. Чувствуй. И добавь газу.

Он положил свою руку на мою правую и слегка сжал. Неожиданно для себя, я инстинктивно все отпустила. Стрекоза заглохла. Ян усмехнулся.

— Ничего, давай еще раз. Заводи. Только сцепление не бросай. Ты должна плавно нажимать на газ и плавно отпускать сцепление.

— Поняла.

— Тогда поехали.

Еще одна попытка, и я снова заглохла.

— Ну ладно, — выдавила из себя, сосредоточиваясь. Я точно помнила всю последовательность действий и поочередно ее выполняла... и наконец мы тронулись.

— Умничка, — сказал Ян тихо, и я почувствовала, как его дыхание коснулось моей шеи. — Ты талант, хорошо слушаешь и хорошо запоминаешь, — произнес Ян над моим ухом, — у тебя все отлично получается. Даже быстрее, чем я думал.

Ян вел меня по лесным дорогам, подсказывая, когда переключать передачу, когда сбрасывать газ. Я злилась, когда у меня не получалось, он подкалывал.

— Эва, это не лошадь, тормозить надо плавно.

— Заткнись.

— Слушаюсь.

Через секунду благоговейно выдохнула.

— Ян, а ты и на лошадях умеешь ездить.

Ян усмехнулся:

— Эв, ну конечно нет. Где ж мне лошадь- то взять?

Я фыркнула:

— А я то думала, что ты все умеешь...

— Разочаровал? — в его голосе слышалась усмешка.

— Есть немного, — ответила я, лихо входя в поворот.

— Смотри, — он легонько сжал мои плечи. — Я могу и обидеться, пойдешь пешком.

— Кто ж тебя тогда будет слушать? — парировала я. — Ты же сам сказал — у меня талант.

— Ах, талант? — Ян притворно возмутился. — Это когда ты заглохла три раза подряд на ровном месте?

— Это была тренировка выдержки, — на полном серьезе ответила я. — Для тебя. Чтобы ты не расслаблялся.

Он рассмеялся — звонко, открыто. Я тоже улыбнулась.

— Ладно, — он убрал руки с моих плеч, и переместил их ко мне на талию. — Давай дальше. Следующий поворот направо. Там грунтовка. И не бойся.

— Я ничего не боюсь.

— Знаю. Ты говорила.

Грунтовка вывела нас к огромному серому массиву.

Я сбросила газ. Замерла.

Город.

Не поселение. Не деревня. Настоящий город — многоэтажки, только заброшенные. Окна — черные, пустые, как глазницы. Кое-где стены обрушились, обнажая внутренности квартир, торчащие прутья арматуры.

— Что это? — прошептала я.

— Жили-были люди, — Ян спрыгнул с трайка, помог слезть мне. — До эпидемии здесь был город. Тысячи человек. Работали, растили детей, строили планы.

— А потом?

— Потом Спарта. Купола, — он пожал плечами. — Кого-то отправили в лагеря. Остальные... остальные остались здесь. Но не мне тебе рассказывать, ты и сама все знаешь.

Я медленно пошла вперед, задрав голову. Дома стояли плотно друг к другу, образуя колодцы дворов. На асфальте — трещины, сквозь которые пробивалась трава и деревья. У подъезда — детская коляска, перевернутая набок, заросшая плющом.

— Здесь кто-то жил, — сказала я, касаясь пальцами шершавой стены.

— Да, периодически здесь до сих пор бывают люди, те, кого Спарта называет нелюдями. Но происходят зачистки, и место снова пустеет. — Ян шел рядом, засунув руки в карманы. — Там, на пятом, — он кивнул на ближайшую пятиэтажку, — у кого-то была свадьба. Я нашел фотографии. Там, — он махнул рукой в другой конец двора, — детский сад. Книжки-раскраски до сих пор лежат.

— Ты все здесь обошел?

— Почти.

Я зашла в подъезд одной из пятиэтажек. Дверь — выбита, на стенах — граффити, старые, выцветшие. Кто-то написал: “Мы вернемся”. Кто-то — “спасите”. Кто-то — просто матом.

Лифта не было — только черная шахта, уходящая вниз. Лестница — бетонная, с выщербленными ступенями.

— Поднимемся? — спросил Ян.

Я кивнула.

Мы поднялись на пятый этаж. Квартира была открыта — дверь сорвана с петель. Внутри — разруха: штукатурка осыпалась, обои висели клочьями. Но кое-что сохранилось. Книги на полке. Чашки в шкафу. Засохший цветок в горшке на подоконнике.

Я подошла к окну. Панорама города открывалась — серые коробки домов, уходящие к горизонту, поросшие лесом дворы, и далеко-далеко — белый купол Спарты.

— Там... — я указала на купол, — они живут. В безопасности.

— В тюрьме, — поправил Ян.

Я обернулась. Он стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку.

— Они там не живут, существуют. Их жизнь еще хуже, чем наша с тобой. Мы хотя бы знаем правду, они и этого лишены. — подошел ближе. — Мы свободны, хоть за нее и платим.

— Чем?

— Жизнями, Эв, — ответил он просто. — Каждый год кого-то убивают. Патрули. Зачистки. Или просто — потому что оказался не в том месте, не в то время.

— Мне жаль, — тихо выдохнула я.

Он сжал мою ладонь.

Домой я вернулась, когда уже смеркалось.

Мама встретила меня у порога — встревоженная.

— Эвелин, — только и сказала она.

— Я в порядке, мам, — ответила я, проходя в свою комнату.

Я легла на кровать, закрыла глаза. Перед глазами стояли пустые окна, черные провалы квартир, где когда-то кипела жизнь.

И Ян. Который смотрел на меня так, будто я была чем-то большим, чем просто друг. Но, возможно, мне это лишь показалось.

Глава 6. У тебя глаза меняют цвет

Эвелин

Два месяца спустя

Мы снова были в городе — на этот раз на крыше одной из девятиэтажек. Ян сказал, что отсюда самый красивый закат.

Он не соврал.

Солнце опускалось за горизонт, окрашивая небо в багровый и золотой. Белый купол Спарты на западе полыхал, как огромный пожар.

— Ну как? — спросил Ян.

— Красиво, — честно ответила я.

— Только красиво?

— А что ты хочешь услышать? “О, Ян, ты гений, ты водишь меня в самые лучшие места”?

— Это было бы приятно.

— Не дождешься. — Я улыбнулась.

Он рассмеялся, я толкнула его плечом. Он чуть качнулся, схватил меня за талию, чтобы удержать равновесие — и вдруг мы оба замерли.

Его пальцы сжались сильнее. Я чувствовала, как его руки напряглись.

— Эва, — сказал он тихо.

— Что?

— Я... — он запнулся, отпустил, отодвинулся. — Ничего. Извини.

Сердце колотилось где-то в горле. Я не понимала, что произошло. Или понимала, но боялась признаться.

— Ян, — позвала я.

Он не ответил. Смотрел на закат, но я видела — он не видел его.

— Что случилось?

— Ничего.

— Не ври.

Он повернулся ко мне. В его глазах плясали багровые отблески заката, но под ними я заметила что-то еще. Страх?

— Эва, ты мне нравишься, — выпалил он. — Очень.

Внутри все оборвалось. А потом — взорвалось.

— Нравишься? — переспросила я глупо.

— Нравишься, — повторил он тверже. — И не только как друг.

Он смотрел на меня в упор, не отводя взгляда. Я — на него. Сердце стучало так, что, казалось, он слышит.

— А ты? — спросил он тихо. — Я для тебя кто?

— Ты — мой единственный друг, — ответила я.

Он кивнул. Отвернулся.

— Понятно.

— Не понятно, — сказала я. — Ты не дослушал.

Он снова повернулся.

— Ты мой единственный друг, — повторила я. — И еще кое-кто. Я не знаю, как это называется. Но я... — я запнулась, слова застревали в горле, — я хочу быть с тобой. Все время. Когда тебя нет — я считаю минуты до встречи. Когда ты рядом — у меня сердце бьется быстрее, и я не могу это контролировать. Это... это любовь?

Ян замер.

На несколько долгих секунд он просто смотрел на меня. А потом его лицо расслабилось, и он улыбнулся — той улыбкой, от которой у меня подкашивались колени.

— Наверное, — сказал он. — Я тоже так думаю.

— Что?

— Что это любовь.

Он протянул руку, осторожно коснулся моей щеки.

— Можно я тебя поцелую? — спросил он шепотом.

Я не ответила. Просто закрыла глаза.

Его губы коснулись моих — сначала легонько, будто пробуя. Спрашивая. Я ответила. Не умела, не зная как, но ответила. Потянулась к нему, прижалась сильнее, обхватила за шею.

Он выдохнул мне в губы — и поцеловал уже не спрашивая. Крепче. Глубже.

Мир вокруг исчез. Остались только его руки, его губы, его дыхание, смешавшееся с моим.

Я чувствовала, как его пальцы скользнули по моей щеке, зарылись в волосы. Он притянул меня ближе. В ответ я прижималась к нему, вцепившись в его куртку, чувствуя под пальцами грубую ткань, не решаясь коснуться его торса, который был спрятан под футболкой.

Где-то далеко, на границе сознания, я слышала ветер в кронах деревьев и стрекот кузнечиков. Но эти звуки казались чужими, ненастоящими. Настоящим был только он.

Он отстранился первым.

— Дыши, — сказал хрипло. — Ты забываешь дышать.

Я открыла глаза. Он был близко — совсем близко. Цвет его глаз изменился на янтарный.

— У тебя глаза... — прошептала я, касаясь пальцами его щеки.

— Это зверь, — ответил он. — Он радуется.

Я нахмурилась, не понимая, о чем он.

— Чему? — выдохнула я, задавая совсем не тот вопрос, который хотела.

— Что я нашел тебя. Что ты — моя.

— Твоя?

— Если ты хочешь этого, — он смотрел на меня серьезно, почти сурово. — Я не требую. Не заставляю. Но для моего зверя ты — наша пара. Единственная. На всю жизнь.

— На всю жизнь? — переспросила я шепотом.

— На всю, — кивнул он.

На закате, на крыше заброшенной девятиэтажки, глядя на город, где когда-то жили люди, я сказала:

— Я хочу.

Он обнял меня — крепко, как будто боялся, что я исчезну. Уткнулся носом в мои волосы, вдохнул.

— Ты пахнешь маками, и также дурманишь.

— Маки не пахнут.

— Ты ошибаешься, Эвелин.

Он не объяснил. Просто стоял, прижимая меня к себе, и я чувствовала, как бьется его сердце — часто, гулко, в такт моему.

— Ян, — прошептала я в его плечо.

— Ммм?

— У тебя глаза меняют цвет. Я так и не поняла, — я отодвинулась, заглянула ему в глаза и улыбнулась, — так какого они у тебя цвета? Желтого или зеленого?

Он открыл глаза. Янтарный огонь в них уже почти погас, уступая место зеленому — мягкому, теплomu, как лес в полдень.

— Зеленого, — ответил он. — Когда человек.

— А когда..., — я не закончила, желая, чтобы он сам продолжил.

— Я оборотень, Эв, — он не отводил от меня взгляда, — это сложно.

— Оборотень, — повторила я тихо, пробуя слово на вкус. — Это мутация какая-то?

— Нет, — я почувствовала, что он напрягся. — Боишься?

Я подумала.

— Нет, — ответила честно. — Но я... я не понимаю. Расскажешь? Никогда ничего такого в отчетах я не читала.

Он кивнул.

— Это не вирус и не мутация. Просто... мы другие. С рождения. У нас есть вторая сущность — зверь. Он живет внутри, чувствует, мыслит. Он — мудрая часть моей души. И я могу превращаться в этого зверя. — Он отстранился от меня, и заглянул в глаза. — Смотри, тихо произнес он, кивая на свою руку. Я наблюдала за тем, как золотистый свет обволакивает ее, он развеялся и вместо руки я увидела лапу. Мощную, с длинными когтями лапу: белый мех с черными пятнами. — Наши предания рассказывают, что эту способность нам подарила богиня Лунолика.

Я нахмурилась.

— Я плохо понимаю, о чем ты, — честно сказала я. — Миры, богиня...

Он поджал губы и отвел взгляд.

— Но мне все равно, кто ты, — добавила я тихо. — Ты — мой друг. Самый близкий человек. И это главное.

Ян медленно повернулся ко мне. В его глазах снова вспыхнул янтарный свет — теплый, живой.

— Ты правда так считаешь? — спросил он.

— Правда, — ответила я.

Он выдохнул. Притянул меня к себе, обнял.

— Ян, — прошептала я.

— Ммм?

— Я люблю тебя.

Он замер. Потом сильнее сжал, поцеловал в макушку.

— Я тоже, Эва. Я тоже.

Домой я вернулась за полночь.

Тишина в доме была какой-то не такой. Я на цыпочках прошла в прихожую, скинула сандалии — и замерла.

В дверях кухни, прислонившись к косяку, стоял отец.

В одной руке — кружка, в другой — планшет, который он даже не пытался сделать вид, что читает. Он просто смотрел на меня. Задумчиво. Внимательно.

— Поздняя прогулка, Эвелин, — сказал он негромко. Голос — ровный, без тени насмешки или злости. От этого становилось только страшнее.

— Я... бегала, — выдавила я. — Тренировалась.

— Бегала, — повторил он. — Ночью? В таком виде?

Я промолчала. Сердце ускорило бег, я сглотнула вставший в горле ком.

Отец сделал глоток из кружки, не отрывая от меня взгляда.

— Мать сказала, ты много гуляешь в последнее время. И возвращаешься поздно.

— Мама... — начала я.

— Анна просто ответила на вопрос.

Он поставил кружку на стол, сделал шаг ко мне. Остановился в метре, склонил голову, рассматривая меня — с головы до ног. Я сжалась.

— Ты выглядишь по-другому, — сказал он задумчиво. — Счастливой.

Слово прозвучало как приговор.

— Отдых на пользу, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Отдых, — повторил он. — Хорошо.

Повисла пауза. Я чувствовала, как он сканирует меня — каждую деталь: спутанные волосы, розовые щеки, счастливые глаза, припухшие от поцелуев губы.

Я поджала их.

— Я приехал побыть с семьей. Я мало уделяю тебе внимания. Будем наверстывать.

Я выдохнула — кажется, не слишком заметно.

— А сейчас, иди в свою комнату.

Я кивнула, и, стараясь, чтобы мой шаг выглядел ровным, пошла в комнату. Легла в кровать, прижала пальцы к губам.

Они еще помнили его вкус. И тепло его рук. Его признание.

Я не позволю отцу украсть это чувство. Только не сегодня.

Глава 7. Это моя вина

Эвелин

— Эвелин, почему ты так долго не приходила? — в зеленых глазах Яна я увидела не просто грусть, а настоящую тоску. Он ждал меня здесь каждый день, я знала это.

— Вернулся отец, и он не отпускал, — потупив взгляд, произнесла я, теребя край рукава формы, при Михаиле я не могла ходить в платьях. Мне было некомфортно стоять перед ним в таком виде. Казалось, что форма делает нас чужими.

— Понятнооо, — протянул Ян, и в его голосе проскользнуло облегчение. — А я каждый день ждал тебя здесь. Идем, я хочу тебе кое-что показать.

Он взял меня за руку. Сначала мы шли быстро, огибая высокие папоротники, а затем и вовсе побежали. Как обычно на опушке нас ждал его трайк.

Я села и обняла его, прижалась щекой к спине. Думала о том, что он мой единственный, не похожий ни на кого, пугающе умный и бесконечно добрый. Любимый. Он был тем, к кому я тянулась всей душой.

В этот раз ехали мы по ухабистой лесной дороге где-то около получаса. Наконец, заглушив мотор, Ян ловко спрыгнул с трайка, и передо мной открылся вид на необычный дом. Он висел над землей, зажатый между трех вековых сосен, сколоченный из старых досок и упругих ветвей. Крышу этого строения покрывала огромная ржавая железная пластина. Она казалась тяжестью, которая вот-вот обрушится вниз, но каким-то чудом держалась на честном слове и хитроумных узлах. Снизу свисали две веревочные качели, похожие на тоненькие ножки. Глядя на все это, я вдруг подумала, что дом похож на гигантскую наседку, вспорхнувшую и застрявшую в кронах.

— Ты мне его хотел показать? — я перевела взгляд на Яна, чувствуя, как внутри разливается странное, почти детское восхищение.

— Нет, — он улыбнулся так, что у него на щеках появились ямочки. — Идем. Это внутри.

Друг быстро и легко вскарабкался по веревочной лестнице. Уже сверху он крикнул, свесив голову вниз:

— Залезай! Не бойся, я держу.

Лестницу я преодолела быстро, цепляясь за веревку. Когда поднялась, увидела Яна, сидящего на корточках на полу из грубых досок. Перед ним лежала шахматная доска. Большой спил старого дуба был расчерчен на темные и светлые клеточки, и на них застыли черные и белые фигурки, грубовато, но явно с любовью вырезанные из дерева.

— Представляешь? — голос Яна дрогнул от гордости. — Мне папа их сделал.

Он был счастлив. Я много раз слышала от него о шахматах. О том, как отец учил его играть на бумаге, расчерченной карандашом. О стратегии и тактике. О том, что фигуры — это воины, а доска — поле боя, где слабый может победить сильного, если просчитает ходы. Он мечтал сыграть когда-нибудь по-настоящему, почувствовать вес фигур в пальцах. И сейчас он смотрел на меня с детским предвкушением.

— Эвелин, составишь мне компанию? — тихо спросил он.

Он ловко начал расставлять фигурки на свои места. Белые кони из светлого дерева, черные пешки, опаленные пламенем огня.

Я села напротив, взяла одну из фигурок. Покрутила ее в руках. Она была теплой, шершавой, с тонким запахом смолы.

— Они красивые... — выдохнула я.

Но не успела ничего добавить.

За тонкими стенами убежища, сначала далеким, а потом оглушительно близким, родился гул. Низкий, ровный, неумолимый гул моторов. Я замерла с пешкой в руке.

— Ян? — прошептала я, чувствуя, как кровь отливает от лица.

Вскочив, мы одновременно бросились к выходу. Лестница ходила ходуном, когда мы кубарем скатились вниз, обдирая ладони о веревки.

Пять бронированных вездеходов были уже близко. Я легко разглядела надзирателей Спарты. В одной из машин я увидела отца. Поймав мой взгляд, он медленно улыбнулся — той самой улыбкой, от которой всегда хотелось спрятаться, убежать.

Я замерла, не зная, что делать. К трайку не подобраться — мы уже были отрезаны от него машинами. Убегать? Но не успела я об этом подумать, как один из вездеходов остановилась и на усыпанную хвоей землю ступил Михаил.

Громко, на весь лес, он прогремел:

— Спасибо, Эвелин. Я знал, что ты не подведешь и приведешь к нему, дочка.

Он кивнул, и бойцы окружили нас. В руках они сжимали автоматы.

“Привела к нему?” — билось в голове. “Но как так получилось?”

А потом я поняла.

Метка.

“Та самая, которую отец вживил мне в детстве. Маленькая, незаметная, забытая. Я привыкла к ней, перестала замечать, не думала о ней вовсе. Только она могла привести его к нам. А я это не учла. Это моя вина! Что сейчас будет с Яном?” — эти мысли пронеслись роем в моей голове.

Холодный ужас сковал горло. Я перевела взгляд на Яна. Он стоял рядом, смотрел на меня, и в его глазах уже загоралось то, что я боялась увидеть. Недоверие. Боль.

— Знаешь, — продолжал Михаил, разглядывая Яна с холодным интересом, — я никогда не слышал о вашем народе.оборотни. Эвелин все рассказала. И о Луноликой и о том, что вы можете превращаться. Меня это очень сильно заинтересовало.

Я окаменела. Как он об этом обо всем узнал?

Я перевела взгляд на Яна. Он стоял рядом, но мне показалось, что между нами вдруг разверзлась пропасть. Его глаза, которые еще недавно смотрели на меня с нежностью и радостью, теперь прожигали меня насквозь. В них больше не было трепета. Только холодная, чистая, абсолютная ненависть.

— Зачем? — одними губами спросил он. — Зачем ты это сделала, Эвелин?

— Ян, я не... я..., — прошептала я, но мой голос прозвучал жалко и фальшиво от страха и от понимания, что Ян может попасть в лапы отца из-за меня.

Отец медленно приблизился.

— Мальчик, — произнес Михаил почти ласково, — ты зря винишь мою дочь. Она просто... поделилась со мной тем, чем ей положено делиться. — он поднял автомат на Яна. — А я слушал. Каждое слово. Внимательно.

Я хотела закричать, сказать, что это не я, что я ничего не рассказывала, но слова застряли в горле.

Ян

Я холодно смотрел на дуло автомата и мысленно потянулся к отцу.

“Ян! Что происходит? Где ты?”

“Засада около домика на дереве, — ответил я. — Спарта. Пять машин. Минимум двадцать надзирателей. Может, больше.”

Пауза. Короткая.

“Мы близко, — голос отца стал резче. В нем прорезались металлические нотки, которые я слышал только перед боем. — Держись.”

Я разорвал связь и перевел взгляд на Эвелин.

Она стояла в трех шагах. Ее не трясло. Слез не было. Это почему-то злило больше всего. Если бы она заплакала, если бы ее колотило — я бы понял. Я бы, наверное, даже пожалел, но

она просто смотрела на меня широко распахнутыми глазами, в которых читался страх. Лицо побледнело. Губы чуть подрагивали, будто она пыталась что-то сказать, но не могла вытолкнуть из себя ни звука. Не пыталась сделать шаг ко мне.

— Зачем? — спросил я одними губами. — Зачем ты это сделала, Эвелин?

— Ян, я не... я не... — молвила она, а я чувствовал исходящую от нее вину. Тяжелую, удушающую, липкую.

“Предала”, — подумал я, и это слово обожгло изнутри. Острое. Бесповоротное.

“Нет, не могла”, — возразил зверь в сознании, но в его голосе я не чувствовал уверенности.

— Нет, — прошептала Эвелин. — Папа, нет. Я не...

— Не надо, Эвелин, — перебил Михаил, взяв ее за руку и резко потянув на себя. — Не отрицай сейчас. Ваши диалоги были прекрасны. Про “Бойцовский клуб”, про спутники.

Я зло посмотрел на нее, пытаюсь разглядеть в ней хоть намек на то, что Эвелин не предавала, но не видел его. Только бесконечное чувство вины.

“Она не хотела”, — с сожалением прорычал зверь. В его голосе не было злости. Только глухая, тянущая боль.

“Но она это сделала”, — ответил я. — “Или все же нет?”

Я не успел разобрать, послышалось командное:

— Взять его!

Команда прозвучала резко. Надзиратели синхронно подняли автоматы.

Я не думал.

Инстинктивно отпрыгнул в сторону, уходя с линии огня. Тело отреагировало быстрее головы — годы тренировок, ночи в лесу, бесконечные “будь готов к любому повороту”, которые отец вбивал в меня с детства. Я рухнул на землю, перекатился, прячась за стволом ближайшей сосны.

И в тот же миг услышал тяжелый гул моторов.

Из леса, с другой стороны, вылетели три машины. Старые вездеходы, самодельные, сваренные из частей разных машин, с решетками от дронов на окнах и пулеметами на крышах.

Наши.

Сердце пропустило удар. А потом забилося чаще — не от страха, от облегчения.

Отец сидел за рулем ближайшей ко мне машины. Я увидел его лицо — сосредоточенное, жесткое, с заострившимися скулами и сведенными бровями. В зубах — незажженная сигарета, привычка, от которой он не мог избавиться. В глазах — та самая сталь, которая появлялась только в бою.

— Ян! — крикнул он, на ходу высовываясь из окна с автоматом.

Воздух разорвала автоматная очередь. Пули застучали по стволам, взрыхлили землю у самых ног. Я пригнулся, вжался к основанию дерева, чувствуя, как сверху сыпятся осколки коры.

Ответный огонь открыли оборотни, застрочили пулеметы наших вездеходов.

Все происходило очень быстро.

Краем глаза я видел, как машина отца отделилась от группы и рванула ко мне. Две другие начали атаку в лоб, отсекая надзирателям пути к отступлению.

Михаил что-то крикнул своим. Я не разобрал слов — только злой, рубленый тон. Он втолкнул Эвелин в одну из машин. Она не сопротивлялась. Даже не обернулась.

А потом дверь захлопнулась, и машина, сорвавшись с места, ринулась прочь.

Ее отец уезжал. Вместе с ней.

“Трус,” — мысленно выругался я.

— Ян! — рявкнул отец. — Давай!

Машина отца подъехала ко мне вплотную, я заметил, что в лобовом стекле зияла звезда от пули.

Перемахнул через борт, схватил автомат, проверил магазин. Полный. Чуть высунувшись я выпустил автоматную очередь по ближайшим надзирателям.

— Жив? — спросил отец не оборачиваясь, его голос звучал сдавленно.

— Да, — ответил я.

Отец коротко кивнул.

— Тогда уходим. Наши задержат.

Он резко вывернул руль, и машина, взревев двигателем, рванул в лесную чащу, уходя от перестрелки.

Глава 8. Никто не готов

Эвелин

Джип трясло на ухабах. Я сидела на заднем сиденье, вжавшись спиной в жесткую обшивку, и смотрела в окно на мелькающие деревья. Мне было плохо. Невыносимо плохо — меня трясло, и зуб на зуб не попадал. На глаза наворачивались слезы, но я сдерживала их из последних сил: если отец заметит слабинку, он накажет. Хотя, если честно, мне уже казалось, что это не имеет значения.

— Это тебе урок, Эвелин, — отец вел машину одной рукой, другой достал из подстаканника термос. Сделал глоток. — Ты не должна заводить друзей. Никогда. Поняла меня? Ты не должна отвлекаться ни на кого. Делаешь только то, что я скажу. Никакого общения. Ни с кем.

Я молчала, вцепившись ногтями в колено.

— Эвелин?

— Да, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Получилось коротко и глухо.

— Домой больше не поедешь. И мать не увидишь.

Слова ударили под дых сильнее, чем пощечина. Я задохнулась. Мама... Впрочем, отец знал, куда бить. Я опустила взгляд и замерла, сделав лицо пустой маской. Только бы не разрыдаться при нем. Только бы не сейчас. А с другой стороны, какая разница, хуже уже не будет.

— Ты не имеешь права, — прошептала я, чувствуя, как внутри поднимается глухое, беспомощное бешенство.

— Имею, — ответил он спокойно. — Я твой отец. И опекун. И командир, в конце концов. Ты — моя собственность, Эвелин. Военный ресурс. И я из тебя сделаю безупречную.

Он замолчал, давая мне время прожевать эту мысль.

Я смотрела в окно, и слезы душили меня.

— Я ненавижу тебя, — выдохнула я.

— Знаю, — он улыбнулся краем губ. — Это нормально. Ты еще маленькая, чтобы понимать, что я делаю это ради твоего же блага. Когда вырастешь — скажешь спасибо. С сегодняшнего дня я перевожу тебя в другую параллель... — начал он, но не договорил. Я кинула быстрый взгляд в его сторону. На его запястье мигнул алый индикатор джабона. Пришло какое-то сообщение. Я снова уставилась в окно невидящим взглядом.

— Парнишку твоего поймали, — сказал он, явно получая удовольствие от произнесенных слов.

Внутри меня все оборвалось.

Ян.

— Не волнуйся, пока он нужен мне живым. И невредимым. Это ценный экземпляр, Эвелин. Оборотень. Единственный в своем роде, если верить твоим рассказам.

— Я ничего тебе не рассказывала! — выкрикнула я, сжимая кулаки. — Метка! Это ты следил через метку! И каким-то образом слушал! Я не...

— Тише, — оборвал он спокойно. — Я знаю, что не рассказывала. Но это не имеет значения. Важно то, что я услышал. А услышал я многое. — Он снова поднес к губам термос и сделал глоток. — И, Эвелин, прекрати истерить. До знакомства с этим мальчишкой ты была такая покладистая, вот что делает с тобой дружба. Расскажи мне лучше, этот... Ян. Он обращался? Прямо при тебе? Ты видела его зверя?

Я замерла.

Что сказать?

Правду? Тогда Ян станет еще ценнее для отца. Эксперименты. Допросы. Попытки.

— Нет, — голос прозвучал холодно. Отстраненно.

Отец поднял бровь.

— Нет?

— Не обращался, — повторила я ровно. — Он просто говорил. Что он оборотень. Что у них там богиня и все такое. Я не верила. Я думаю, что он хотел просто привлечь мое внимание. Показать особенным.

Отец молчал. Я чувствовала на себе его взгляд — тяжелый, сканирующий.

— Ты врешь, — сказал он наконец.

— Не вру, — ответила я, глядя прямо перед собой, на бетонную ленту дороги. — Он подросток. Хвастался. А я смеялась. Мне было с ним просто весело. Ничего в нем нет особенного. Он просто глупый мальчишка.

Повисла долгая тишина.

— Ты врешь, — сказал он снова. — Но это неважно. Даже если он просто глупый мальчишка... Я сотру ему память и отправлю в Спарту. А если окажется, что ты мне солгала...

От его слов сердце ухнуло вниз.

— Он же уже подросток! — Я читала: детям раннего возраста стирают память, но не взрослому человеку.

— Для меня это не важно. Будет так, как я скажу, потому что могу. Если он не может обращаться — то обычный человек, — отрезал отец. — А обычных людей у нас и так достаточно.

Я не ответила. Почувствовала, как отец снова смотрит на меня. Долго, оценивающе.

— И Эвелин, — произнес он так, что я снова напряглась от его тона, — скажи, ты с ним спала?

Я подняла на него глаза. Холодные. Пустые.

— Нет, — ответила я.

Отец кивнул, удовлетворенный, и снова уставился на дорогу. А я отвернулась к окну, смотрела как в боковом зеркале исчезал лес.

Ян

Я вжался спиной в холодный борт кузова, прислушиваясь. Гула моторов не было. Наши сработали четко. Отец не зря их тренировал.

Я сделал глубокий вдох, пытаясь прийти в себя — и в нос ударил запах крови.

Сердце пропустило удар.

“Отец, — потянулся я к нему мысленно, и в голосе, прорезалась паника, которую я не успел спрятать. — Ты ранен?”

“Ерунда,” — бросил он, но даже в сознании голос звучал напряженно.

“Остановись. Я поведу.”

Я ждал, что он в очередной раз отмахнется. Скажет “не учи отца” или “сиди и не рыпайся”. Но машина качнулась, сбросила скорость и съехала к обочине.

Мне стало не по себе.

Я выпрыгнул из кузова — ноги сами понесли, обогнул капот, рванул дверь с водительской стороны. И замер.

Левая сторона его рубашки была черной. Мокрой. Ткань прилипла к телу, и на свету, пробивающемся сквозь листву, это пятно блестело — маслянисто, страшно. Правая рука отца все еще сжимала руль, побелевшие костяшки впились в обод. Лоб — в испарине. Глаза закрыты.

— Помоги выбраться, — сказал он, не открывая глаз. — И сядешь за руль.

— Отец...

— Ян. — Он открыл глаза, и в них вдруг прорезалась та самая сталь, которой он командовал отрядом оборотней. Только сейчас она была тусклой, усталой. — Не спорь. Времени нет.

Я обхватил его за плечи. Левая рука скользнула по мокрой ткани. Пальцы тут же стали липкими. Я помог ему вылезти, и он оперся на меня — тяжело. Всем телом.

Я почувствовал, как его пальцы впились мне в предплечье — судорожно, глубоко.

— Терпи, — прошептал я, хотя у самого горло сдавило.

— Не ной, — выдохнул он в ответ, голос был слабым.

Мы сделали несколько шагов. Я почти тащил его на себе, чувствуя, как его дыхание — частое, рваное — обжигает шею. Открыл пассажирскую дверь, помог опуститься на сиденье. Он откинулся назад, прикрыл глаза.

Дышал. Часто. Неглубоко.

Я растянул его рубашку и увидел рану. Пуля вошла чуть ниже ключицы. Слева. Выходного отверстия не было — значит, застряла внутри. Кровь сочилась медленно, но не останавливалась.

— Перевяжу, — сказал я, и потянулся к бардачку за аптечкой.

— Бесполезно. — Отец накрыл мою руку своей. Ладонь оказалась холодной.

— Пуля задела легкое. Я чувствую.

— Ты не врач, — огрызнулся я, хотя сам уже знал — он прав. Я видел такие раны. Перевязка здесь не поможет

— Ян. Посмотри на меня.

Я поднял глаза.

— Я ухожу, — сказал он просто. — И ты это знаешь.

— Нет, — мой голос дрогнул. — Мы доедем до наших. Тебя вытащат.

Он лишь слегка покачал головой. Его рука легла мне на затылок, притянула ближе. Лоб ко лбу.

— Слушай меня, Ян, — голос его стал тише, но жестче. — Ты теперь вожак. Наш народ — в твоих руках. Наши люди. Наши дети. Те, кто ждет, что мы вернемся. Те, кто верит, что мы когда-нибудь сможем жить не прячась. Ты понял?

— Я не готов, — прошептал я в ответ. — Я...

— Никто не готов, — он отстранился, закашлялся — глухо, надрывно. На губах выступила свежая кровь. — Но ты должен. У тебя есть голова. И сердце.

— Нет! — вырвалось у меня, громче, чем я хотел. Я высвободился из его рук, рванул назад, захлопнул пассажирскую дверь — слишком сильно, так, что звякнули стекла.

Бегом обогнул машину, запрыгнул на водительское сиденье. Двигатель взревел, едва я повернул ключ.

— Я довезу тебя до ближайшего лагеря, — прошипел я, вжимая педаль газа в пол. — Там помогут. Я спасу.

Голос сорвался на последнем слове.

Я не оборачивался. Не смотрел на него.

Боялся увидеть то, что уже знал.

Глава 9. Пепел и маки

Ян

Два дня спустя. Горы Кавказа

Я стоял на выступе скалы, вжавшись спиной в холодный камень, и смотрел вниз на изумрудные складки ущелий. Едва заметные тропы вились по горным уступам шириной не более полуметра, терялись в осыпях, обрывались над пропастями. По таким могли ходить только звери или люди в зверином облиции. Четыре лапы держат лучше, чем две. Когти находят опору там, где подошва скользит. Мы уходили в эти горы много раз, и ни разу патрули Спарты не рискнули сунуться за нами. Здесь наши дома. Наша земля, на которую привел нас мой отец.

И он был мертв.

Я отвернулся, пошел выше, туда, где западный склон уходил вверх, там, на маленьком плато, мой народ устроил последний приют для тех, кто покинул землю.

Отец лежал под свежим холмиком. Маленьким. Коричневым.

Я опустил на колени и коснулся ладонью влажной земли.

— Здравствуй, — сказал я тихо, прикрывая глаза.

Его кремировали по нашему обычаю — быстро, без лишних слов, чтобы дух не задерживался в мертвом теле. Сложили сухие еловые ветви, положили тело, и мать поднесла огонь. Она не плакала. Стояла, глядя, как дым уходит в утреннее небо, и губы ее беззвучно шевелились; наверное, она молилась. Она говорила, что дух не должен задерживаться в мертвом теле, иначе он застрянет между мирами. Огонь освобождает. Я смотрел на пламя и не чувствовал освобождения. Только тяжесть. Такую, что плечи ломило. Теперь на мне лежал не только долг перед стаей, но и забота о той, кто еще не появилась на свет, — о моей сестре. Именно в тот миг я ощутил, что моя мать носит дитя под сердцем.

Мать собрала пепел в глиняную чашу, а потом — здесь, на этом плато, среди гор — всыпала его в землю и посадила на том месте маки. Она всегда так делала. Говорила, что маки дарят покой ушедшей душе. Маки... Красивый красный цветок с ароматом той, из-за кого мой отец сейчас в земле. Той, в ком мой зверь признал истинную. Аромат настолько же нежный и сладкий, насколько дурманивший, аромат, к которому нет доверия. Из-за нее умер мой отец.

“Возможно, она не предавала, — шепнул зверь. Тихо. Почти неслышно.” Но доводов, чтобы поверить ему, у него не было.

Я прокручивал тот день снова и снова. Каждую секунду. Каждый взгляд. Каждое слово. Если Эвелин не рассказывала о нас отцу, тогда откуда он узнал? Как он вычислил наше местоположение? Только метка могла навести спартанцев на наш след. Но ни во мне, ни тем более в Эвелин ее не могло быть.

Я хотел бы верить, что это случайность. Очень хотел. Но не мог. Не складывалось.

Она предательница — и все тут. Даже мой зверь, не мог опровергнуть. Не находил оправданий. И именно из-за нее я потерял отца... и из-за меня. Не устроил бы я все эти свидания, не было бы ничего этого. Вел себя как ребенок, а сейчас... Пора взрослеть. Эвелин нет оправдания. И я теперь вожак, мне нельзя допускать ошибок.

Эвелин

Учебно-тренировочный комплекс «Гранит» располагался в часе езды от Спарты-1, на краю запретной зоны. Серое, квадратное, безликое здание буквально вгрызалось в землю и уходило вглубь.

Здание встретило меня тишиной и запахом озона. Коридоры — широкие, с низкими потолками, покрашенные в цвет мокрого асфальта. Голые стены без окон. Только двери — тяжелые, герметичные, с электронными замками. Каждые десять метров — камера наблюдения.

“Отец здесь повсюду”, — подумала я, вжимаясь спиной в прохладную стену лифта. — “Он слышит. Видит. Знает.”

Лифт поднял меня на третий этаж — жилой сектор. Моя комната оказалась такой же безликой: узкая койка, стол, встроенный шкаф, санузел. Никаких личных вещей. В шкафу висели пять комплектов формы — серые, с нашивкой Спарты на рукаве. И пара тяжелых ботинок.

Я села на кровать, обхватила колени руками и закрыла глаза.

Перед глазами сразу же всплыло лицо Яна — в тот самый миг, когда он в последний раз посмотрел на меня.

“Зачем ты это сделала, Эвелин?”

Я обхватила голову руками, даже разрыдаться я не могла себе позволить.

Первые три дня я почти не выходила из комнаты. Короткие сигналы динамиков оповещали о начале занятий — я вставала, шла на лекции, сидела, смотрела в одну точку. Далее следовали тренировки, спарринги. Мне было безразлично, я возвращалась в свою комнату и смотрела на серую стену.

Моя феноменальная память, которая всегда была моим даром, теперь стала моим проклятием. Я помнила каждую секунду, проведенную с Яном. Каждое слово. Каждый взгляд. Его смех, когда я назвала его наглым. Тепло его ладони на моей талии, когда мы учились водить Стрекозу. Его голос, когда он сказал: “Ты пахнешь маками”.

На четвертый день я поняла, что если не начну действовать, то просто сойду с ума.

Мой пропуск давал доступ только к трем зонам: жилой корпус, столовая, учебные аудитории. Но после ужина, когда большинство курсантов расходилось по своим комнатам или шли в общую зону, у меня был час свободного времени, который я проводила в информационном терминале в холле.

Отец не заботился о моих умственных ограничениях — доступ к общей базе Спарты у меня был. Он знал, что я ничего не смогу сделать.

Я вошла в систему под своим идентификатором. Пальцы дрожали, когда я набирала в поиске: “Ян”, “Оборотни”, “Задержание 24.08”. Пусто. Ни одного результата. Только стандартные сводки о зачистках.

Я искала снова. Меняла запросы. Ноль.

Я сжала кулаки под столом. Да, как же так! Почему нет данных о нем? Есть данные о других пленных, но только не о Яне. Неужели Михаил их скрыл? Он мог.

Тогда я начала искать информацию о метке и наткнулась на системный лог своих собственных перемещений за последние три месяца. Замерла.

Каждый день. Каждый час. Каждое слово, произнесенное в радиусе десяти метров от меня, было записано. Метка не просто отслеживала мое местоположение — она транслировала звук. И отец это слушал. Все.

Я не понимала, изначально метки были созданы для отслеживания параметров организма и местоположения. То есть в случае если человек попадал в беду, можно было понять его состояние и двинуться на помощь. Моя же метка была иной. Она не только передавала данные, она еще и слушала. Я оказалась полностью под колпаком отца. Вот только я этого не знала.

Я перечитала заголовки файлов. “Встреча у дуба — 10.06. Эвелин + неизвестный”. “Разговор о шахматах — 12.06”. “Крыша, закат — 01.07”.

Меня замутило. Он слышал каждое мое “я люблю тебя”. Слышал, как мы целовались, как я смеялась, как обещала вернуться.

“Тварь,” — мысленно произнесла я.

Закрела поиск. Вышла из системы.

Я откинулась на спинку кресла и уставилась в потолок.

Метка. Все упиралось в метку.

Моя память услужливо подсунула информацию, которая однажды мне попала в закрытых медицинских отчетах. Она вживляется в позвоночник, вплетается в нервные окончания. При попытке вскрытия — смерть. При попытке глушения — сигнал тревоги. Чтобы ее безопасно извлечь ее надо сначала деактивировать. Почему такие жесткие ограничения? Не потому что ли изначально она была создана как отслеживающее устройство? “Метка спасет вам жизнь, если вы попадете в беду,” — писалось в статьях. Очередная ложь. Я поджала губы. И все же кто-то может ее деактивировать? Возможно те кто живут вне Спарты, но пока я их найду... Все это казалось невыполнимым.

В животе громко заурчало, последние дни я почти ничего не ела. Потребности организма следовало удовлетворить. Я поднялась и направилась в столовую на ужин.

Здесь было светло и людно. Длинные столы, пластиковые подносы, запах тушеных овощей и синтетического мяса. Курсанты в серой форме сидели группами по 4-6 человек. Никто не смеялся. Никто не говорил громче шепота. В Граните дисциплина была превыше всего.

Я взяла поднос с едой и направилась к свободному столу в углу. Спиной к стене, лицом к выходу — так учили на тактике. Чтобы видеть всех, кто входит.

Я села, положила руки на колени и уставилась в тарелку.

“Ни с кем не общаться. Он слушает”, — пульсировало в голове.

Но спустя несколько секунд кто-то напротив меня опустил на стул.

Я не подняла головы. Может, просто ошибся местом.

— Привет, — раздался голос. Мужской, молодой, с легкой хрипотцой. — Тут не занято?

Я молчала.

— Я так и понял, что нет, — продолжил он без смущения.

Я подняла глаза.

Парень, явно старше меня. Темные волосы, падающие на лоб. Тонкие черты лица. И глаза — черные, с каким-то странным выражением. Не как у остальных. В них было что-то глубокое, казалось, что он знает что-то такое что неизвестно никому. На его плече сидел ворон. Голографический. Птица перебирала крыльями, поворачивала голову, иногда щелкала клювом, но не издавала ни звука.

Я невольно задержала взгляд на полсекунды дольше, чем следовало.

— Нравится? — спросил парень, заметив. — Это мой проект. Он наблюдает за всем и все видит. Может перемещаться на далекие расстояния и передавать информацию.

— Как будто нам для этого метки мало, — недовольно пробурчала я.

Я отвернулась.

— Я новенький здесь, — продолжил он, не обращая внимания на мое настроение. — Перевели из периферийного филиала. Говорят, тут программа интенсивнее. — Он положил на стол поднос с едой, но не притронулся. — Меня Каир зовут. Моя специализация — информационные технологии, кибербезопасность и нейросети.

— Каир, в честь города что ли?

Он странно улыбнулся:

— А может быть город назвали в честь меня? — и тут же перевел тему, — А у тебя? — спросил он легко. — Что за специализация? Боевая подготовка, наверное? У тебя осанка как у военной.

— Я не разговариваю, — сказала я, не глядя на него. Голос прозвучал глухо.

— Ну, я уже слышал твой голос, но при этом говоришь, что не разговариваешь, — усмехнулся Каир. Ворон на его плече наклонил голову и уставился на меня крошечными светящимися глазами.

Я промолчала.

— Ладно, — он взял вилку, поковырял гарнир. — Я никого не знаю. Ты, кажется, тоже одна. Может, объединимся? Не в смысле... дружить. А просто — кто-то, кому можно кивнуть в коридоре.

Я подняла на него взгляд. В его глазах не было угрозы. Только живое, искреннее любопытство. И еще что-то, чего я не могла определить. Настороженность? Или, наоборот, открытость? Да, какая разница, дружба для меня это недопустимая роскошь.

— Извини, — сказала я, вставая. — Мне нужно идти.

Я взяла нетронутый поднос, отнесла к утилизатору и вышла из столовой, чувствуя спиной его взгляд.

Глава 10. Не показывай ему!

Эвелин

— Здесь не занято? — раздавалось над ухом третий день подряд.

Я не отвечала. Но это не влияло на молодого человека, Каир просто усаживался напротив.

— Ты все время ешь одно и то же, — заметил он. — Всегда овсянка и синтетическое мясо. Ты проверяешь систему?

Я промолчала.

— Или просто не обращаешь внимания на еду. Тело — сосуд, топливо не важно. Так?

Я подняла на него взгляд. В его черных глазах не было насмешки. Только холодный, спокойный интерес. Почему он не отстает? Неужели не видит, что я против общения?

— Я смотрю, у тебя память хорошая. — попыталась огрызнуться я.

— Угу, — произнес Каир жуя, — вот как раз тренирую ее на таких мелочах. Память очень важна, особенно в разработке.

— Память — это проклятие, — сказала я и тут же пожалела. Михаила наверняка позабавят мои слова, когда он их услышит.

Я встала. Поднос с грохотом опустила в утилизатор — намеренно громче, чем нужно. Не оборачиваясь, вышла.

В коридоре я прислонилась спиной к холодной стене и закрыла глаза.

“Он просто любопытный. Но мое общение с ним опасно для него. Каждое слово, каждый вздох — отец слушает. Мне нельзя впускать никого. Я уже погубила одного”.

Следующие два дня он не появлялся, но на шестой день Каир перехватил меня у терминала.

Я просматривала сводки зачисток. Ни слова об оборотнях. Ни слова о Яне. Где ты? Жив ли?

— Ищешь что-то конкретное? — его голос раздался за спиной.

Я резко обернулась. Он стоял слишком близко — нарушал дистанцию. Ворон сидел на его плече, перебирая голографические перышки.

— Личные данные, — сказала я ледяным тоном, который переняла у отца. — Тебя это не касается.

— В данном заведении личных данных нет, — Каир пожал плечами. — Есть оперативные. Учебные. Медицинские.

Он замолчал, разглядывая экран поверх моего плеча.

— Ты ищешь человека, которого здесь нет, — тихо сказал он.

— Откуда ты... — прошептала я, и внутри все оборвалось.

— Ниоткуда, просто предположил... — Каир улыбнулся — уголками губ.

— Зачем ты это делаешь, Каир? Почему ты пристал ко мне?

Он помолчал. Ворон на его плече замер, будто тоже ждал ответа.

— Потому что ты, Эвелин, мне нужна.

Нет.

Только не это.

В голове завывла сирена тревоги. Зачем он это сказал? Отец слушает. Каждое слово.

Я сделала шаг назад, второй — и, не оборачиваясь, почти побежала к своей комнате, но не успела войти, как пришло сообщение от отца на джабон: «Эвелин, зайди в мой кабинет».

Я замерла посреди коридора.

Ноги стали ватными. Я сделала глубокий вдох — второй, третий. Соберись. Не показывай страха. Не показывай ничего.

Кабинет отца находился в самом сердце «Гранита» — за гермодверьми и постом охраны, который менялся каждые четыре часа. Распознав меня, система сразу открыла дверь. Я осторожно переступила порог.

Михаил сидел откинувшись в кресле, положив ноги на стол. Перед ним на визоре вращалась трехмерная карта учебного комплекса с разноцветными точками на ней.

— Красные точки, — произнес Михаил так и не взглянув на меня, — это камеры наблюдения, синие — посты охраны, зеленые — зоны доступа курсантов.

Среди них была одна маленькая желтая точка, которая находилась в кабинете у отца. Он ткнул в нее:

— Это ты, Эвелин.

Он коснулся панели, и точка развернулась в окно биометрии: пульс 72 удара в минуту, давление 110 на 70, уровень кортизола — повышен. Стресс.

— Что-то я слишком часто последнее время вижу у тебя повышенный параметр стресса. Давай посмотрим, что именно у тебя его вызывает, — его голос звучал наигранно-задумчивым. Он вывел изображение с камеры в столовой. — Интересно, — пробормотал он, — мальчик с вороном, — усмехнулся Михаил, просматривая досье. — Умен. Амбициозен. Любопытен.

Он увеличил изображение. Каир что-то говорил мне. Я не отвечала. Смотрела в тарелку, но было видно, как я напряжена.

— Ты боишься, — прошептал он, проводя пальцем по экрану. — Или боишься не его. Боишься, что я замечу.

“Попал точно в цель.” — пронеслось в голове. — “Ненавижу его за это. Ненавижу, что он читает меня так легко.”

Наконец он повернулся и посмотрел на меня. Взгляд — тяжелый, сканирующий.

— Так вот, я заметил, можешь больше не переживать, — он продолжал внимательно смотреть на меня, — отвечая на твои незадаанные вопросы: я с самого начала знал о твоём знакомстве с этим мальчишкой в лесу. Ян, кажется. Конечно, я мог убить его сразу, но мне было интересно, что же будет дальше. Расскажет ли он что-то интересное или приведет к кому. Ты, Эвелин, оказалась идеальной приманкой.

“Приманкой.” — врезалось в сознание. У меня перехватило дыхание, но я старалась не подавать виду. Он с самого начала использовал меня. Все это время. Он всего лишь позволил почувствовать свободу, забыть про метку. Меня захлестнула волна ледяной ярости. Я стиснула зубы, чтобы не закричать. Не показывай. Не показывай ему свои чувства!

Он снова отвернулся к визору, открыл информацию по мне, мое личное дело.

— Феноменальная память, физические показатели на высшем уровне, и даже эмоциональное состояние система пишет, что стабильна.

Он снова посмотрел на меня.

— Но так ли это, Эвелин? Или можно тебя сделать еще более устойчивой к эмоциям? Как думаешь? Нет, нет, а бывает, ты все же срываешься.

“Более устойчивой”. Он хочет сделать меня бесчувственной. Вытравить последнее, что осталось. Мою злость. Мою боль. Может быть, даже память о Яне.

Я стояла и молчала, уставившись на визор. Внутри все сжалось от нехорошего предчувствия. Что он задумал? Лекарства? Хирургию? Промывку мозгов?

— Ладно, Эвелин, я подумаю, как тебя улучшить, чтобы все увидели, что ты у меня безупречная дочь. А пока иди.

Я развернулась. Сделала шаг.

— А мальчишка с вороном все же занятный.

Я замерла на секунду. Сердце пропустило удар, потом забило сильнее. Он что-то делает с Каиром. Я знаю. Предупредить? Но как? Если я предупрежу, отец узнает через метку. Если промолчу — он пострадает из-за меня.

Я быстро покинула кабинет отца, внутри меня все кричало.

Глава 11. Проект “Каир”

Эвелин

После того разговора в кабинете отца прошла неделя. Неделя, которая растянулась в вечность.

Каждый день я ждала, что Михаил что-то предпримет. Но отец бездействовал.

Это напрягало сильнее, чем если бы он действовал. Тишина в его поведении означала только одно: он что-то задумал. Или просто ждал. Я не могла понять — чего. Но тянуть дольше было нельзя. Каждое утро, видя Каира в столовой, каждое занятие, чувствуя его взгляд на себе, я понимала: если не вмешаюсь, отец сделает это сам. И тогда будет поздно.

Эти мысли вихрем проносились в голове, в то время как я слушала виртуального учителя. Его голос — бесстрастный, синтезированный, без единой живой интонации — разливался в звуковых накладках у меня за ухом. Учителей в Граните как таковых не было. Были те, кто наблюдает, контролирует. Всю информацию мы получали либо из звука, либо из видеоряда.

— 2100 год от Рождества Христова, — вещал голос то, что я и так знала. — Сто двадцать лет после глобальной катастрофы. Сибирский морфовирус (MVT-222), обнаруженный в вечной мерзлоте в районе реки Лены, уничтожил восемьдесят процентов населения Земли за одиннадцать месяцев. Инкубационный период — от шести часов до трех суток. Летальность среди неподготовленных популяций — девяносто семь процентов...

Я смотрела на информацию, проецируемую прямо на сетчатку с помощью линз. Там текли графики, карты распространения вируса, изображения трупов, сложенных штабелями в разных частях света. “История, которую мы обязаны знать, чтобы не повторить прошлого”, — так говорили они. А на самом деле это всего лишь информация, с помощью которой нами манипулируют. Мы знали ее прекрасно, но в нас продолжали ее вдалбливать.

...Оставшиеся двадцать процентов не просто выжили. Они изменились. Организм адаптировался, вирус встроился в ДНК. У большинства выживших не было внешних признаков. Но у части — примерно у каждого десятого — проявилась странная мутация: радужка глаз приобрела стойкий фиолетовый оттенок. “Метка выжившего”, как окрестили его в народе.

— На данный момент, — продолжал голос, — человечество разделилось на страты. Элита — верхушка, наследники тех, кто контролировал ресурсы до катастрофы. Они живут в изолированных городах под присмотром Спарты. Вторая страта — Лагерная система. Граждане, распределенные по специализированным поселениям с рождения или после необходимой подготовки.

“Необходимой подготовкой они называют стирание памяти,” — поджав губы подумала про себя. Я читала об этом в отчетах.

— Лагерь земледельцев. — продолжал голос. — Лагерь производителей сырья. Лагерь «Спарта» — воины, солдаты, контроллеры. И третья группа...

Голос сделал паузу — запрограммированную, для драматизма. Я закатила глаза.

— ...нелюди. Пораженные поздними формами MVT-222. В первые десятилетия после катастрофы они действительно теряли человеческий облик — агрессия, мутации, одичание. Сейчас вирус стабилизировался, и нелюди внешне неотличимы от обычных людей.

“Не агрессивны и не опасны,” — подумала я, — “но элите не выгодно, чтобы они просто так жили на земле.”

— Воины «Спарты» обязаны выявлять и уничтожать нелюдей либо, — слушала я механический голос, — если возраст объекта не превышает десяти лет, направлять в специализированные лагеря для ресоциализации.

Проведя по джабону, я выключила звуковые накладные. Они крепились за ухом на кости — так можно было воспроизводить звуки, не боясь, что их услышит рядом стоящий человек.

Я вспомнила слова Яна. И все же хуже всех было тем, кто жил в лагерях. Например, в “Спарте”.

Они никогда не видели жизни своими глазами. Настоящей. С небом, которое не нужно транслировать через экран. С ветром, который пахнет не дезинфекцией, а травой и дождем. Они выходили за ворота только в шлемах — и уничтожали все, что движется, потому что до сих пор думали, что снаружи остались лишь мутанты.

Им говорили: “Воздух заражен”. Они верили. Им говорили: “Снимешь шлем — умрешь”. Они не снимали. Им говорили: “Там, за стенами, только смерть”. Они не задавали вопросов.

Конечно, это была ложь — такая же, как и все, что они говорили. Воздух снаружи был чистым. Но кому нужна правда, когда страхом так удобно управлять?

Их обманывали жестоко. И они не задавали вопросов. Просто уничтожали. Клади пулю за пулей в тех, кто мог бы стать их соседями, друзьями, родными.

Ян во всем прав.

А те, кто выращивал овощи под куполами, вообще не видели неба. Вот, если бы взломать систему и разрушить эти проклятые купола, показать людям мир... Все бы изменилось.

Трансляция видеоряда закончилась, появилась надпись: «Приступить к тестированию». Я проигнорировала.

Мой взгляд снова упал на Каира. Юношу надо было спасти. У меня был план, но я не хотела его применять, потому что помимо меня он отвернет Каира от всех учащихся нашей группы. Это жестоко. Но лучше так, Каир после этого перестанет со мной общаться, а значит и для отца станет не интересен. Конечно, я не хотела так, но игнор и просьбы отстать от меня на юношу не действовали.

Я сжала кулаки под партой. Посмотрела на планшет перед собой. Если я сейчас нажму “отправить”, он меня возненавидит. Но если не нажму — отец сделает с ним хуже.

Я встала и посмотрела на сокурсников. Их голографические планшеты еще мерцали в полумраке аудитории, сворачивая учебные модули. Подходящий момент.

Я коснулась экрана, открыла личную папку и нашла файл, который создала на пару дней назад. Я сделала все, чтобы файл выглядел так будто его создал Каир. Даже имя автора файла значилось как его.

Выбрав общий чат группы, я нажала “отправить”. И замерла. Сердце колотилось где-то в горле, но я лишь надменно посмотрела на Каира.

Файл ушел. Системное уведомление всплыло перед глазами: *”Доставлено всем участникам (23/23)”*.

Первым отреагировал Иван Волков:

— Что за черт? — вырвалось у него громко.

Файл назывался “Kaіr_K_project” и состоял из трех разделов.

Первый файл. “Субъекты_классификация_актуальная”. Таблица, в которой каждый студент группы был расписан по графам: имя, фамилия, социальный статус родителей, уровень доступа к технологиям, психологический портрет, уязвимости, рекомендованная стратегия сближения.

Напротив имени Ивана в графе “уязвимости” значилось: “Хроническое чувство неполноценности после провала на отборочных. Компенсирует через агрессию и доминирование. Рекомендация: предоставлять возможность лидировать в нейтральных ситуациях, создавать иллюзию контроля”.

Иван медленно поднял взгляд от экрана. Его лицо наливалось краской.

— Иллюзию контроля? — процедил он. — Ты создавал мне иллюзию, урод?

Каир стоял неподвижно. Он еще не понимал, что происходит, но уже видел, как меняются лица вокруг. Как Даша Соболева, самая добрая девушка на потоке, прижала ладонь к губам, прочитав свою графу: “Эмоциональная нестабильность в определенные фазы цикла. Исполь-

зовать для получения конфиденциальной информации о группе. Высокая степень доверия к "понимающему другу". Рекомендация: поддерживать образ эмпатичного слушателя, фиксировать все сообщаемые данные".

— Каир... — прошептала Даша. В ее голосе звенели слезы. — Ты...

Второй файл. "График_социальной_интеграции_КАИР". Диаграмма, растянутая на весь семестр. Разноцветные полосы, обозначающие этапы проникновения в доверие к каждому члену группы. Ключевые точки: первая совместная игра с Марком, помощь Тому с домашним заданием по биоинженерии, "случайное" столкновение в коридоре с Лизой. Запланированные "случайности", которые он будто бы методично реализовывал. А по факту, я их просто помнила и вписала в график.

— Этот файл я обнаружила у него в личной папке, и считаю, что вы должны знать с кем учитесь. — произнесла громко. — Смотрите, — я ткнула пальцем в проекцию, увеличивая фрагмент. — У него даже пометки есть. "Этап 3: формирование устойчивой эмоциональной связи". "Этап 4: получение доступа к закрытым учебным материалам группы". Он не дружить с нами хотел. Он нас каталогизировал.

По аудитории прокатился гул. Возмущенный, злой.

Каир наконец очнулся от ступора.

— Эвелин, что ты... Я не... Это не то, что вы думаете! — его голос сорвался. Он дернулся ко мне, но Марк преградил ему дорогу. Марк, который в этой самой таблице был помечен как "физически сильный, низкий интеллектуальный порог, использовать как инструмент защиты в конфликтных ситуациях". И он это только что прочитал.

— Инструмент защиты? — переспросил Марк, нависая над Каиром. — Я для тебя был инструментом?

Третий файл. "Эвелин_Белевская_финальный_проект". Самый объемный документ. Я специально оставила его напоследок и теперь открыла и вывела на большую проекцию, чтобы все увидели.

Это был дневник наблюдений. Поденный. Почасовой. Каждая наша встреча, каждый разговор, каждое мое слово — записано, проанализировано, разложено на составляющие.

"10:23. Эвелин отвернулась при моем приближении. Угол поворота головы 37°, длительность зрительного контакта 0.3 секунды. Интерпретация: уровень враждебности снижается (прежний показатель — 0.1 секунды). Прогресс."

"*14:05. Эвелин использовала слово "спасибо" после того, как я подал ей планшет. Тон голоса нейтральный, интонация неискренняя. Несмотря на это, факт вербальной благодарности фиксируется как положительный сдвиг. Вероятность достижения целевого уровня близости к концу семестра: 18 % (+2 % по сравнению с предыдущим прогнозом)."

— "Вероятность достижения целевого уровня близости", — прочитала я вслух, выделяя строчку в проекции. — Восемнадцать процентов. Каир, ты вычислил вероятность нашей дружбы?

Я обернулась к нему.

Он смотрел на меня странно. Я ожидала увидеть страх и злость. А он склонил голову набок, скрестил руки на груди и... изучал меня. В этот момент я подумала о том, что он выглядит намного старше, чем указано в его карточке.

В абсолютной тишине, желая утвердить свою позицию и заставить одноклассников поверить, я тихо произнесла — но мой голос прозвучал неожиданно громко даже для меня:

— Каир, ты — ходячий симулятор человеческих отношений. Ты не чувствуешь. Ты вычисляешь. Угол поворота головы. Длительность зрительного контакта. Ты смотришь на меня и видишь цифры.

— Да, — неожиданно произнес он. — И, кажется, я вижу далеко не все. Эту ситуацию я не предсказал.

Его голос звучал тихо, спокойно, задумчиво.

Неожиданно ворон с его плеча вспорхнул, перелетел и уселся на спинку стула. Он развел крылья в стороны — и его глаза загорелись красным. Я никогда такого не видела.

На секунду мне показалось, что я потерялась. Мгновение — и ощущение, что я здесь и не здесь одновременно. Будто провалилась куда-то. Казалось, я совсем забыла, о чем мы говорим.

Красные глаза смотрели на меня, а мир вокруг — сокурсники, планшеты, стены аудитории — вдруг стал чужим, ненастоящим.

Меня вернули в реальность неожиданно произнесенные слова Каира:

— Ты права, — его губы тронула едва заметная усмешка. Совсем не та теплая улыбка, которой он встречал меня каждое утро. Другая, сквозящая сарказмом. — Я действительно все записывал. Анализировал. Просчитывал вероятности. Восемнадцать процентов — это был бы оптимистичный прогноз. Реальный давал всего четыре.

Он шагнул вперед. Марк, все еще стоявший на его пути, напрягся, но Каир казалось не заметил его и просто обошел. Его взгляд ни на секунду не оторвался от моего лица.

— Ты воспользовалась моим планшетом на прошлой неделе, — произнес он, и это был не вопрос. — Я помню. Ты сказала, что у тебя удалился файл лекции по биоинженерии. Я тогда еще подумал — странно. У Эвелин Белевский, не может просто так “удалиться” файл. Но я решил — пусть. Интересно же, что она будет делать дальше. — Его слова были ложью, не было этих событий. Но я не понимала как реагировать. Куда он клонит? Он остановился в двух шагах от меня. — И знаешь, что самое забавное, Эвелин? — он позволил себе короткий смешок. — Ты создала файл, которого у меня никогда не было, и подписала его моим именем. Весь этот «проект» — твоя работа. От начала и до конца. “Субъекты_классификация”, “График_интеграции” — у тебя талант к систематизации, не ожидал. Но “Эвелин_Белевский_финальный_проект” — вот это уже перебор. Слишком подробно. Слишком литературно. “Угол поворота головы 37°” — правда? Я бы написал “ориентировочно 35-40°”, я не настолько самоуверен, чтобы давать точные цифры без измерительного оборудования.

По аудитории прокатился новый гул — уже не возмущенный, а растерянный. Иван опустил кулаки. Даша перестала плакать и теперь переводила взгляд с меня на Каира и обратно. Марк, чье лицо только что пылало праведным гневом, нахмурился, явно пытаясь переварить услышанное.

— Ты лжешь, — процедила я, чувствуя, как холод начинает подниматься откуда-то изнутри, от самого позвоночника. — Ты просто пытаешься выкрутиться. Файл создан под твоим именем..

— О, с этим как раз все в порядке, — перебил он. — Ты и правда смогла подделать файл, чтобы он выглядел достоверно. Технически — безупречно. Умно. Но, Эвелин...

Он поднял свой планшет и коснулся сенсора над ним развернулась миниатюрная голографическая панель.

— Я веду не один дневник наблюдений. Их несколько. Хочешь, покажу?

Он развернул проекцию так чтобы каждый в аудитории мог ее увидеть. На экране появился другой файл.

“Наблюдения_ЭМ_черновик”.

Последнее редактирование: сегодня, за час до начала лекции.

“07:45. Эвелин вошла в аудиторию. Отвела взгляд. Длительность контакта: менее 0.1 сек. Вывод: враждебность сохраняется, несмотря на десяти дней непрерывного позитивного взаимодействия. Причина неизвестна. Гипотеза: внешнее давление. Субъект для проверки: отец ЭМ.”

“12:30. Столовая. Эвелин выбрала место в трех столах от меня. Дистанция больше обычной. Наблюдение: пальцы правой руки чуть подрагивают когда она берет ложку. Признак

стресса или страха. Не соответствует типичной поведенческой модели. Источник стресса: не я. Взгляд неоднократно в сторону Михаила В.”

“16:10. Эвелин попросила мой планшет. Предлог: удаленный файл. Вероятность истинности: менее 5%. Вероятность подготовки манипуляции: высокая. Решение: предоставить доступ. Наблюдать за развитием событий. Возможно, выход на истинную причину ее поведения.”

Я читала, и земля уходила у меня из-под ног. Это было не похоже на мою фальшивку — грубую, пафосную, полную драматизма. Это было сухо, методично, скупое. Именно так, как он сказал бы — без “37°”, без красивых фраз о «целевом уровне близости». Только факты. Только цифры. Только холодный, бесстрастный анализ.

И в этом анализе я была не объектом манипуляции. Я была проблемой, которую он пытался решить.

— Ты вел наблюдения, — прошептала я, и мой голос прозвучал жалко даже для меня самой. — Все это время ты...

— Да, — сказал он просто. — Я веду наблюдения за всеми, кто представляет интерес. И за теми, кто представляет угрозу. Ты, Эвелин, — и то, и другое.

В аудитории снова стало тихо — еще более гулко, чем раньше. Я чувствовала, как взгляды однокурсников перемещаются с Каира на меня. Иван, который только что хотел разорвать Каира на части за «иллюзию контроля», теперь смотрел на меня с совершенно новым выражением. Подозрение. Переоценка. Осознание.

Каир перевел взгляд на группу, и продолжил:

— Да, Даша, — сказал он мягко. — Я действительно веду записи — всех, с кем взаимодействую. Это правда. В моем настоящем файле, — он коснулся планшета, — написано: “Даша Соболева. Высокий уровень эмпатии. Оказывает значительную эмоциональную поддержку группе. Периодически нуждается в ответной поддержке. Уязвимость: излишняя доверчивость. Рекомендация: оберегать от манипуляций со стороны”.

Он встретился взглядом с Дашей и улыбнулся — той самой теплой улыбкой, в ней не было ничего расчетливого.

— Я не горжусь тем, что веду эти записи, — продолжил он, обращаясь уже ко всей аудитории. — Я привык анализировать, потому что... потому что иначе я просто не выжил бы. Но я никогда, — он повысил голос, — никогда не использовал эти записи против кого-либо. Я использовал их, чтобы помогать. Чтобы понимать, когда человеку плохо. Чтобы знать, кому нужна поддержка. И да, в том числе чтобы понимать, кому нельзя доверять.

Он посмотрел на меня:

— Ты боишься Михаила, — тихо произнес он, и это не было вопросом. — Я знаю. Я видел, как ты на него смотришь. И я знаю, что твой отец давит на тебя.

Он отступил на шаг. Потом еще на один. И, не оборачиваясь, направился к двери.

— Каир, — окликнула я, сама не зная зачем.

Он не остановился, не обернулся.

— Урок окончен, Эвелин, — произнес не громко. — Твой урок. Надеюсь, ты его усвоила.

Дверь за ним закрылась с мягким механическим жужжанием. Аудитория молчала. Иван сверлил меня взглядом. Даша демонстративно собирала вещи, не глядя в мою сторону. Марк просто покачал головой и вышел следом за Каиром.

Я осталась стоять одна посреди опустевшей аудитории, похоже я сделала себя изгоем. Возможно это и к лучшему. Меньше жертв для отца.

Мой браслет пискнул и я увидела сообщение от Михаила: “Жду тебя у себя через пятнадцать минут”.

Глава 12. Доверься мне

Эвелин

Я шла по коридору, почти не чувствуя ног.

“Жду тебя у себя через пятнадцать минут,” — крутилось в голове и от этих слов становилось не по себе.

Я остановилась перед высокой металлической дверью кабинета отца.

Вдох. Выдох.

Дверь не открылась.

Скорее всего он видел инцидент, произошедший в классе и недоволен им. Несколько долгих мгновений я стояла и смотрела на холодный металл, перебирая в голове все, что могла сказать в свое оправдание. Вот только я хорошо понимала, что все мои слова бессмысленны. Михаилу не интересно, что я чувствую. У него есть свое “безупречное” видение мира и это видение он никогда не изменит. Он воплотит любую свою безумную идею несмотря ни на что.

Наконец дверь с тихим шелестом отодвинулась.

Я сделала шаг внутрь — и замерла.

Каир.

Он стоял напряженный у стены слева от отцовского стола. Его лицо было бледнее обычного, скулы заострились, а губы сжаты в тонкую линию. Как он здесь оказался? Мысль мелькнула и исчезла — не до того.

— Эвелин, — голос отца вывел меня из оцепенения.

Михаил сидел на краю стола, небрежно, почти расслабленно. Смотрел он на меня с тем самым выражением, которое я ненавидела больше всего: холодное любопытство, предвкушающий моих эмоций с целью их отловить, а затем сломать.

— Проходи, не стесняйся. — Он усмехнулся.

Я встала напротив отца, сложив руки за спиной — стойка “смирно”, которой нас учили с семи лет.

— Я перевожу тебя в другое подразделение, — продолжил отец, и его голос стал деловым, ровным, лишенным эмоций. — Оно находится на границе с Сибирью. При бывшей колонии “Черный беркут”.

Сердце ухнуло вниз.

Я находила информацию об этом месте, оно было в полном подчинении отца. А это значило еще меньше свободы и еще больше лишений.

— Но прежде чем ты отправишься туда, — Михаил поднялся, — мне нужно, чтобы ты стала идеальным солдатом. Ты не должна ни на что и ни на кого отвлекаться. Ты должна стать безупречной.

Он обошел стол и остановился в метре от меня.

— И Каир, раз вы с ним так “ладите”, мне в этом поможет. — Он повернулся к юноше. — Правда, Каир, поможешь?

— Да, — голос Каира прозвучал глухо, но ровно.

Вот только я не понимала о чем речь. Что он должен сделать? Ответ я получила незамедлительно, но лучше бы я это никогда не слышала.

— Ты должна будешь явиться сегодня в восемнадцать ноль-ноль в медкабинет на дефлорацию. Проводить ее будет он. — Михаил кивнул на Каира. — Естественным образом никаких инструментов.

Я замерла. Казалось я не могу, воздух в кабинете стал тягучим. Сначала я просто не поняла. Словно отец произнес фразу на языке, которого я не знала. Дефлорация. Медкабинет. Каир.

— Что? — вырвалось помимо воли. Голос прозвучал чужим — высоким, ломким.

— Ты не глухая, Эвелин. — Михаил наклонил голову, и в его глазах мелькнуло удовлетворение. Ему нравилось, что я не сдержала эмоций. — Я решаю, что для тебя полезно. Твое тело — ресурс. А ресурс не должен иметь эмоциональной привязки к тому, что неизбежно. Каир исполнит это быстро и без нежности. Именно так, как нужно.

Михаил сделал паузу, давая словам осесть. Затем продолжил — спокойно, почти лекторским тоном:

— Ты спросишь — зачем? Отвечу. Чтобы у тебя больше никогда не возникло иллюзий, будто твое тело принадлежит тебе. Оно — мой актив. И я оптимизирую его так, как считаю нужным. Первая близость в постели с романтическим придурком рождает ложную привязанность. Первая близость в медицинском кабинете с человеком, к которому ты ничего не испытываешь, — рождает понимание. Ты — не женщина. Ты — оружие. А оружие не выбирает, чьей рукой его применяют.

Я перевела взгляд на Каира. Он смотрел прямо перед собой, в стену. Желваки ходили под кожей. Похоже, они это обсудили с отцом еще до моего прихода — поэтому он стоял такой бледный. Я хотела, чтобы он возразил, но понимала бессмысленность этого. Если не Каир, то кто-то другой. Отец от меня не отстанет. Я ничего не могу изменить.

— Ты лишь тело Эвелин. Безупречный организм. — отец подошел ко мне и схватил за подбородок, сильно сжал. — неужели забыла?

— Нет, — произнесла без интонации.

— Умница. Если всем все понятно, — Михаил вернулся за стол и махнул рукой в сторону двери, — тогда свободны.

Я не помнила, как вышла из кабинета.

В ушах шумело. Коридор плыл перед глазами, лампы расплывались в оранжевые пятна. Я шла, механически переставляя ноги, и не чувствовала их. Внутри все сжалось в тугую, болезненный комок, который не давал дышать.

Дефлорация. Он сказал “дефлорация”.

Каир будет проводить.

Погрузившись в свое отчаяние, я забыла, что юноша идет рядом со мной, посмотрела на него и в этот момент почувствовала как он коснулся моей руки, в моей ладони оказался маленький кусочек бумаги. Что бы это ни было, я крепко сжала это в ладони.

— До встречи, Эвелин, — услышала тихие его слова и он свернул в боковой коридор.

Не помню как дошла до комнаты, но когда дверь за мной с тихим шелестом закрылась я развернула записку.

“У меня есть способ обойти приказ Михаила. Но ты должна довериться мне. Четко выполняй все мои указания в медкабинете.”

Обойти приказ? Но как? В медкабинете — камеры, датчики. Моя метка передает отцу все. Неужели Каир знает способ их обмануть? Или... он просто хочет, чтобы я не сопротивлялась? Я не знала. Но выбора не было.

Глава 13. Мое тело осталось моим

Эвелин

Я сидела на койке, обхватив колени, и смотрела в стену.

В комнате было тихо. Только вентиляция гудела где-то над головой — ровно, монотонно.

В голове крутилось одно и то же слово “Дефлорация”.

Я зажмурилась, но слезы не потекли.

— Я не хочу, — прошептала в пустоту. Голос прозвучал жалко. По-детски.

В коридоре кто-то прошел. Шаги стихли.

Я перевела взгляд на дверь. Может быть сбежать? Но куда? Метка — отец найдет за десять минут.

Я уронила голову на колени.

И тут меня накрыло — вдруг, неожиданно, как удар под дых. Мама.

Мама, которая каждое утро отворачивалась от купола и рисовала лес. Которая не спорила с отцом. Которая отпускала глаза, когда Михаил сказал “ты никто”. Которая не боролась. Которая просто выживала.

А я ее презирала за это.

“Почему она такая? — думала я тогда. — Почему не сопротивляется? Почему не убежит?”

Теперь я знала.

Отец — это система. Не человек. Стена, которую не пробить лбом. Мать пыталась, не в открытую, наперекор отцу показать мне настоящий мир — и поплатилась, он забрал меня. Каждый шаг против него оборачивался потерей.

“Одной против системы не справиться”, — подумала я, и эта мысль пришла не моим голосом, а ее. Тихой, усталой интонацией, с которой мама говорила: “Просто будь осторожна”.

— Я ничего не могу изменить, — сказала я вслух.

И мать тоже не могла. Но при этом она не сломалась. Она рисовала лес. Она водила меня к озеру. Она учила меня видеть красоту.

Значит, и я смогу. Смогу дальше жить.

Я закрыла глаза.

В голове всплыла записка Каира. “У меня есть способ обойти приказ. Доверься мне”.

Довериться? После того как я уничтожила его репутацию на глазах у всей группы.

Что сделает Каир? Скажет “ложись и расслабься”? Будет извиняться? Будет холоден, как отец?

Я не знала его. Совсем. Несколько недель он сидел напротив в столовой, что-то говорил, улыбался, а я отворачивалась.

Я посмотрела на джабон. Время 17:33.

Я села. Ноги коснулись холодного пола. Надела ботинки. Зашнуровала — машинально, привычным движением. Шнурок на левом ботинке был длиннее, чем на правом. Я заметила это впервые. Эта абсурдная мысль вдруг стала важнее всего, потому что я могла зацепиться за нее, чтобы не сорваться.

Я встала.

Комната качнулась. Я оперлась рукой о стену, постояла секунду, прижимая ладонь к холодной штукатурке. В голове крутилась одна и та же мысль:

“Доверься мне. Четко выполняй указания. У меня есть способ”.

Каир — это шанс. Или иллюзия шанса. Другого у меня все равно нет.

Я открыла дверь.

Коридор был пуст. Только камеры — черные стеклянные глаза под потолком — следили за каждым моим шагом. Я знала, что отец смотрит.

“Не показывай страха. Не показывай ничего”.

Я выпрямила спину и пошла.

Шаг. Второй. Третий.

Медицинский отсек находился на первом этаже. Лифт не вызвала — пошла пешком, по лестнице, чтобы отсрочить. Глупо, конечно.

На лестнице было темно.

Я шла медленно, держась за перила, и думала.

Что я скажу Каиру? “Привет, давай сделаем вид”? Или просто лягу и закрою глаза?

Что он скажет мне?

Неужели он действительно может обойти приказ? Или это просто слова утешения?

Да, и вообще для чего ему это?

Я совсем не понимала его мотивов. Слишком много вопросов. Ни одного ответа.

Я вышла на первый этаж и остановилась перед дверью медотсека. Подняла руку, чтобы коснуться сенсора, и замерла.

Пальцы дрожали. Мелко, противно.

— Я ничего не могу изменить, — прошептала я снова, как заклинание.

Мама не могла. Но она выжила. И я выживу.

Коснулась.

Дверь с тихим шипением открылась.

Коридор уходил вглубь, по бокам — двери процедурных, операционных, лабораторий. Я знала этот блок: меня уже водили сюда при медосмотре при переводе. Мне нужен был медкабинет и он находился в самом конце.

Едва передвигая ноги я дошла до него, подняла руку, чтобы коснуться сенсорной панели, но дверь открылась раньше.

— Заходи, — голос Каира звучал ровно, без тени эмоций.

Я шагнула внутрь.

Помещение оказалось меньше, чем я ожидала. Стены — белые, стерильные. В центре — медицинское кресло, массивное, с ремнями на подлокотниках и фиксаторами для ног. Я сглотнула вставший ком в горле.

Над креслом висел голографический экран в котором отображалась комната. В углу — камера. Красный индикатор мигал — значит, запись уже шла.

Я перевела взгляд на юношу, он внимательно смотрел на меня. Ворон как обычно сидел на его плече.

— Снимай штаны, — произнес Каир спокойно скрестив руки на груди.

Я замешкалась.

— Эвелин, у нас мало времени. Делай, как я говорю.

Я начала расстегивать магнитные застёжки. Пальцы не слушались. Каир подошел ближе. Я почувствовала запах его одеколона — смесь полыни и сушеной мяты, который всегда его сопровождал, — и это запах вдруг показался единственной вещью за которой я могла ухватиться и не впасть в панику.

— Да, вот так, — его руки потянулись ко мне. Я замерла, но в этот момент ворон на его плече взбодуражился. Птица вспорхнула — я почувствовала движение воздуха, шелест крыльев, — и птица перелетела на спинку кресла. Там она расправила крылья — широко, величественно, — и я увидела, как ее глаза зажглись алым. Светом, который шел как будто откуда-то изнутри.

Руки Каира коснулись моих, не грубо, не требовательно — просто накрыли мои дрожащие пальцы, которые все еще безуспешно пытались расстегнуть застежку.

— Достаточно, — прошептал он.

Я подняла взгляд.

Каир стоял вплотную. Его лицо было серьезным, спокойным. В глазах — ни намек на то, что он только что собирался делать.

— Посмотри на экран.

Я подняла взгляд на голографический экран, да так и замерла. То, что я увидела, заставило меня забыть, как дышать.

На экране мы с Каиром... занимались тем, для чего нас сюда привели. Изображение было четким, реальным. Мое лицо, моя спина, его руки, его профиль. Все выглядело настолько реально, что у меня закружилась голова. Я видела себя со стороны — и не могла поверить, что это не происходит на самом деле.

— Это то, что видят другие сейчас, — тихо произнес Каир, вставая рядом и тоже глядя на экран. — И то, что останется на записи. В системе появится подтверждение — медицинское заключение: девственность нарушена, процедура проведена согласно протоколу. Кровь, показатели гормонов, пульс, давление — все будет идеально.

Я открыла рот, чтобы спросить “как” — но Каир поднял руку, останавливая меня.

— Не спрашивай меня, — сказал он. — Я не смогу тебе объяснить.

Он обернулся ко мне, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на извинение.

— Сейчас нас никто не слышит, — продолжил он тише. — И никогда никто не узнает, что происходило на самом деле в этой комнате.

Я смотрела на экран, где мое цифровое отражение двигалось в такт цифровому отражению Каира, и чувствовала странное, почти болезненное спокойствие.

Мое тело осталось моим. Никто к нему не прикасался. Никто не нарушал его границ.

И при этом отец получил то, что хотел.

— Зачем? — прошептала я, не отрывая взгляда от экрана. — Зачем ты это делаешь? Риск для тебя огромен. Если узнают...

— Не узнают, — перебил Каир. В его голосе вдруг прорезалась сталь. — Я не из благородства, Эвелин. Я из злости. На твоего отца, на эту систему, на то, как они превращают людей в расходный материал. — Он помолчал. — И еще... потому что ты не заслужила того, чтобы с тобой обращались как с вещью. Никто не заслужил. — Он помолчал несколько секунд, глядя куда-то сквозь меня. — Мне нужен мир на Земле. Очень, до зубного скрежета. Я хочу жить здесь счастливо, я не хочу больше войн. Мне нужно спокойное время в котором я смогу жить со своей любимой. Ты являешь ключом к нему. Без тебя ничего не получится.

Я нахмурилась, не понимая о чем он.

— Что? — выдохнула я. — Какой ключ? Каир, ты...

— А еще, — перебил он, и вдруг уголок его губ дернулся в кривой, почти мальчишеской усмешке, — допустил бы это по-настоящему, он набил бы мне морду. Он, — Каир кивнул в сторону, будто там, за стеной, стоял кто-то третий, — очень не одобрит. А в общем-то не хотелось бы. У него удар тяжелый.

Я замерла, пытаюсь сложить кусочки в одну картину. “Он” — кто?

— Не понимаю, — честно сказала я. — Ты говоришь загадками. Какой ключ? Какой “он”?

Каир покачал головой, и усмешка исчезла с его лица так же быстро, как появилась.

— Но, это все не важно, Эвелин. Пока не важно, так как этого пока нет. Не сейчас, — голос его снова стал ровным, деловым. — У нас еще одна проблема. После того как это закончится, — он махнул рукой в сторону голографического экрана, где наши цифровые двойники продолжали заниматься тем, чего никогда не было, — ты выйдешь из этой комнаты. И сюда

войдет Михаил. Он будет доволен — сегодняшней процедурой, твоей покорностью, тем, как ты выполняешь приказы.

Каир замолчал, и в этом молчании повисло что-то тяжелое, липкое, как смола.

— А потом он сообщит, — продолжил он, не глядя на меня, — что после этой процедуры тебя ждет операция по стерилизации. Полная. Необратимая. Удаление матки и яичников. Завтра, в восемь утра.

Слова упали в комнату, как камни. Я слышала, как они ударяются о белые стены, как эхо разносит их в разные стороны: стерилизация... стерилизация... стерилизация...

Внутри все оборвалось.

Я повернулась к Каиру — резко, порывисто, — протянула руки, сама не зная зачем. Может быть, чтобы схватить его за плечи, встряхнуть, закричать в лицо: “Ты можешь помочь! Ты помог с этим, поможешь и с операцией!”.

Но Каир лишь отрицательно покачал головой.

Один короткий жест.

— К сожалению, — произнес он глухо, — это я изменить не могу. Не все мне подвластно, ты должна пройти через это. И Ян должен. Иначе никак. Я не могу. В вашем мире бы сказали, что при попытке взлома мне отказано в доступе. Всему есть правила и ограничения, даже моему дару. Если душе надо пройти через определенные события, чтобы что-то понять, я не могу это изменить.

Я замерла. Я не все поняла из того, что он сказал, но основное уловила и внутри медленно, как яд, начала распространяться пустота. Я никогда не узнаю, каково это — почувствовать, как под сердцем шевелится новая жизнь. Никогда не прижму к груди младенца с моими глазами и маминой улыбкой. Никогда не услышу “мама” от того, кого выносила сама. “Меня лишат всего, и это меня сломает,” — эта мысль была яркой и четкой.

Глаза защипало.

— Он не может, — прошептала я, и голос мой сорвался. — Он не может просто взять и... вырезать из меня часть меня.

Каир сделал шаг ко мне и обнял.

— Я не могу это изменить, — повторил он, голос его звучал печально. — Сможет только он. Если этого искренне пожелает.

Я затаила дыхание.

— Кто он?

— Ян.

— Откуда ты...?

— Просто знаю. Но завтра утром ты уже не будешь помнить этот разговор. Воспоминания о том как на самом деле прошла дефлорация в твоей памяти останутся. А диалог нет.

— Эвелин, ты главное не бойся. Слушай то, что тебе говорит сердце и все будет хорошо.

Каир отстранился так же внезапно, как и приблизился. Его лицо снова стало непроницаемым.

— Застегни штаны, — произнес он. — И садись на кресло, мне еще датчики надо прикрепить к твоей руке. У нас есть ровно три минуты до того, как Михаил закончит смотреть запись и войдет сюда.

Я замерла пытаясь осознать все происходящее, но тут же услышала голос Каира.

— У тебя две минуты, — бросил он через плечо. — Штаны, Эвелин. Быстро.

Я кинула взгляд на экран и увидела как я дрожащими руками поднимаю штаны и натягиваю их. Это заставило ускориться.

Пальцы все еще дрожали, но на этот раз я справилась с застежками быстрее — шелк, шелк, и магнитный замок встал на место. Поправила футболку. Провела ладонями по волосам.

— Каир, — позвала я.

Он быстро взглянул на меня.

— Спасибо, — сказала я тихо.

Каир замер на секунду. Потом — едва заметно — кивнул.

Ворон на спинке кресла вдруг каркнул — коротко, отрывисто. В медкомнату вошел Михаил.

— Эвелин. — В руке — планшет. На губах — улыбка. Довольная, почти ласковая.

— Я все видел, — сказал он. — Каир показал себя профессионалом. Я доволен.

— Но это не все, дочь. Теперь тебя ждет операция по стерилизации.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри все сжимается в тугой, ледяной ком. Но — я была спокойна. Потому что Каир предупредил. Потому что я знала — это случится. И потому что где-то глубоко, там, где отец никогда не сможет достать, будет теплится крошечный, почти безумный огонек надежды. На того, кто, возможно, мог бы сделать невозможное. Не понятно как. Но, если Каир говорит, что это возможно. Значит оно так и есть, после того, что он сделал для меня я не сомневалась в нем. Я знала, хоть я это и не вспомню, надежда останется. Я опустила глаза и произнесла единственное, что могла сказать в этой ситуации:

— Я поняла. Когда? — вопросительно посмотрела на отца.

— Завтра, в восемь утра.

Глава 14. Сказ о звере и богине

Семь лет спустя, горы Кавказа

Ян

Небо на западе тяжелело с каждой минутой. Серые тучи ползли из-за хребта, закрывая солнце, и воздух наполнился той особенной, предгрозовой свежестью. Резкий порыв ветра ударил в лицо. Вдалеке, за тремя пиками, сверкнула молния — сухая, белая, как вспышка прожектора.

С обходом надо заканчивать. Я аккуратно начал спуск по узкой тропе. Ступал бесшумно, даже камни не скрежетали под подошвой. Тропа вилась по осыпи, сужаясь до ширины ладони в самых опасных местах. Я не смотрел вниз. Только на выступы, на трещины в скале, на корни сосен, вцепившиеся в камень. Где-то за спиной грохнуло: первый гром прокатился по ущелью, и ветер донес запах озона и мокрой пыли. Я ускорился, почти скользя вниз, перепрыгивая осыпи, хватаясь за выступы — зверь внутри подсказывал каждое движение.

Тропа расширилась, пошла полого, и я свернул в расщелину, которую не видно с воздуха. За ней — дома.

Каждое жилище — это деревянный сруб, плотно пригнанный к горной стене, можно сказать вросший в нее. Бревна сосен заготавливали вручную, таскали на себе в зверином обличье — так быстрее и тише. Крыши — покатые, покрытые дерном. На дерне растут те же травы и цветы, что и вокруг. С воздуха кажется, что это просто зеленый склон. В каждом доме есть каменная комната — та часть, что уходит в толщу скалы. Там хранят самое ценное: оружие, запасы, книги, которые не достать больше нигде. Там же оборотни пережидают облавы — бетон и гранит не пропускают сканеры Спарты. Мы живем скрытно, зачастую в звериных обличьях, и потому пока целы. Но это пока. Рейды Спарты все чаще бывают в наших краях.

Я подошел к дому, когда из-за двери услышал звонкий голос своей сестренки.

— Мам, а почему Ян не верит в богиню? — спросила Эмма, в голосе девочки слышалось неподдельное удивление. — Он же оборотень. У него есть зверь. Значит, должен верить.

Так и не открыв дверь, я привалился к косяку и замер, ожидая ответа матери.

— Ян вырос здесь, на Земле. Здесь редко говорят о чудесах. В этом мире нет ни магии, ни ведьм. Поэтому и с верой в богов здесь тяжелее.

Ян хмыкнул про себя, но вслух не подал голоса. Пусть рассказывает. В детстве эти истории нравились и мне самому — про далекий мир Грамм, про богиню, которая дарит зверя тем, кто не сдается. Потом я вырос и перестал ждать чудес. Чудеса не останавливали пули надзирателей. Не спасали от предательства.

— А я верю!

Мать тихонько рассмеялась и продолжила:

— Давным-давно, задолго до того, как мы пришли в этот мир, в мире Грамм жил мальчик по имени Одриан. Он был старшим сыном правителя, но в нем не было магии. Совсем. Люди над ним смеялись, братья обижали, отец разочарованно отводил взгляд. И вот однажды, когда мальчишке стало совсем невмоготу, он убежал в храм богини Луноликой.

— И она явилась ему? — прошептала девочка.

— Да. В образе прекрасной девушки с волком у ног и копьём в руке. И спросила: “Чего ты хочешь?” А Одриан ответил: “Я хочу быть не хуже других. Хочу быть сильным и ловким.” И Лунолика подарила ему зверя. Волка, который стал частью его души. Сказала: “Слушай его — и он будет тебя вести. Он твоя мудрая половина”. И Одриан, который прежде считал себя ничемным, стал великим правителем. Он первым объединил людей и оборотней. Он ходил в другой мир за своей истинной — за той, кого полюбил навсегда. И богиня помогала ему, потому что его желание было чистым: не власть, не месть, а любовь и справедливость.

— А потом? — выдохнула Эмма.

— А потом были другие времена, — голос матери стал тише. — В другом мире, который называется Ашвардия, появился жестокий король. Его звали Эвард. Он ненавидел оборотней. Он охотился на нас, пытал, ставил опыты. И однажды мы решили: лучше уйти в неизвестность, чем оставаться под его властью. Так и нашли проход на Землю. Бежали от Эварда... — мать осеклась, не продолжила фразу, но я хорошо понимал, что она хотела сказать. Бежали с мыслью “что хуже быть не может”, но очень сильно ошиблись.

— А его... того короля... победили? — спросила она.

— Не знаю, дочка. Мы ушли давно. Связи с тем миром нет. Может, его до сих пор никто не одолел. А может, нашелся тот, кто смог. Я молюсь об этом. — Она замолчала, а через минуту добавила. — Но одно я знаю точно. Богиня не забыла нас. И вот что я хочу, чтобы ты запомнила, Эмма. Если в том, кому Лунолика подарила зверя, загорится настоящее желание — не корыстное, не злое, а идущее из самой глубины, — богиня услышит.

Снова сверкнула молния, и я все же вошел в дом, стянул через голову куртку и повесил на крючок. Мать обернулась, но ничего не сказала — только улыбнулась краешком губ. Эмма радостно пискнула:

— Ян! Ты слышал?

— Слышал, — ответил я ровно, подходя к плите. Наклонился, подул на еще тлеющие угли, подбросил щепку. Потом налил себе кружку травяного отвара — пахучего, горьковатого. Мать всегда заваривала такой по вечерам.

Я сел напротив них, на низкую скамью, и медленно сделал глоток.

— Ян, — Эмма перегнулась через мамины колени, пытаясь заглянуть мне в лицо. — Почему ты не веришь, что богиня помогает?

— Я верю в то, что вижу, — дал короткий ответ не желая продолжать тему.

Эмма разочарованно надула губы.

Мать задумчиво посмотрела на меня и продолжила рассказ, обращаясь к Эмме.

— Помни, дочка. Когда твой зверь проснется — а он проснется. — Ты всегда можешь обратиться к Луноликой. Не требуй, не торгуй. Просто пожелай. От всего сердца. И тогда даже самая безнадежная тьма может расступиться.

— Как для Одриана? — спросила Эмма с надеждой.

— Как для Одриана, — улыбнулась мать. — И для тех, кто идет за ним следом.

За окном громыхнуло так сильно, что задрожали стекла.

— Ян, — тихо окликнула мать, — забыла сказать. Дэмиан приходил, искал тебя.

Я кивнул, прошел кухню и снова натянул куртку. Разговор с другом не ждал, он обещал важную информацию. Но не успел я выйти, как в дверь тихо постучались и в дом вошел Дэм.

— Дэм, здорово. — я коротко кивнул, отступая в сторону. — Проходи.

Мужчина шагнул через порог, стряхивая с плеч мелкие капли дождя. Он был старше меня.

— Здравствуй, Мира, — он кивнул матери. — Привет, Эмма.

— Дэмиан! — девочка вскочила, готовая броситься к нему, но мать мягко удержала ее за плечо.

— Идем, Эмма, — сказала мать, поднимаясь. — Пусть мужчины поговорят.

— Но я хочу...

— Успеешь.

Она взяла дочь за руку и вывела из кухни в смежную комнату, притворив за собой дверь.

Ян молча указал Дэмиану на скамью, сам сел напротив. Налил другу чай.

— Рассказывай.

Дэмиан развернул планшет так, чтобы мне было видно. На карте мигали точки — посты Спарты, патрульные маршруты, зоны покрытия сканеров.

Я удивленно посмотрел на него.

— Я ездил в сектор Спарты-1, — сказал он без предисловий. — Я нашел там человека дорогого, но надежного. И он мне кое-что продал.

Дэмиан коснулся экрана, и карта сменилась списком: форма боевая, шлем, АКСу.

Я поднял глаза на Дэмиана.

— Ты достал форму Спарты? — я приподнял бровь, я бы и так ее мог снять с какого-нибудь зазевавшегося солдата во время вылазки

— Больше, — он усмехнулся. — Я достал возможность ввести тебя в их базу данных как воина. Легитимного. С идентификационным номером.

Глава 15. Ничего не изменилось

Мы не хотим знать практически ничего про тех, кого любим (“Бойцовский клуб” Ч.Паланик)

Ян

Я не мог поверить Дэмиану.

— Как?

— У моего человека есть доступ к базе. Нам нужно лишь внедрить тебя в ряды Спарты. Дальше, уже на месте, в группе солдат перемещаешься с другими. Из воинов никто не обратит на тебя внимания, сложнее с надзирателями.

Я задумался над словами Дэма.

— Ладно. Допустим, шлем — не проблема. Допустим, и для допуска локера с оружием ты добавишь к моему номеру данные. Мы же это сможем сделать?

Дэмиан широко улыбнулся и кивнул.

— Вопрос: как я вообще туда проникну? Просто так я заменить одного из солдат не смогу. На зачистке они всегда группами по пять человек плюс надзиратель. Убьем надзирателя — убьют всю группу. Значит, непосредственно на самой зачистке я к ним никак не присоединюсь.

— Да, нужно садиться с ними в Урал с самого начала.

Я провел рукой по лицу.

— Значит, точка подмены — не на зачистке. А перед куполом, перед выездом.

— Именно.

— Дэмиан, как я окажусь там перед грузовиком незамеченным? — задал вопрос, а сам уже прокручивал варианты.

— Ты оборотень. На территорию лагеря проскочишь в облике зверя, а там обернешься.

— Допустим, проскочил. Допустим, обернулся. Где точка сбора?

— Здесь. — Дэмиан ткнул пальцем в точку между оружейной и парковкой Уралов. — Группа, по которой у меня есть информация, всегда садится во второй Урал. Третий слева.

— Камеры?

— Есть слепая зона. Если пройдешь четко по ней — не засекут.

— Если... — я продолжил вглядываться в изображение с парковкой для Уралов. — А если в этот раз не во второй Урал будет посадка?

— Должен быть второй.

Я покачал головой.

— Ян, ты — лучший из нас. Ты справишься. Такой шанс выпадает лишь раз.

— А обратный путь? Я с ними возвращаюсь. Розовый облучатель. Снятие шлемов. Что я скажу, когда все увидят лицо, которого не знают?

— Ты скажешь, что переведен из сектора Спарты-7. В базе это будет подтверждено. Бойцы не смотрят на лица. Надзиратель проверит планшет — увидит твое фото, привязанное к номеру 1847, и отстанет.

— Дэм, у нас есть еще одна проблема. Михаил видел меня пять лет назад.

Тишина повисла в комнате. Я видел, как Дэмиан просчитывает варианты, как его пальцы замерли над планшетом.

— Тогда нам нужно подстроиться. Он должен отсутствовать в Спарте.

Я наблюдал, как Дэм быстро выводит данные о надзирателях, с сомнением размышляя о том, откуда у него такие доступы.

— Дэмиан, а ты уверен, что можно доверять информатору? У меня предчувствие подставы.

Друг замер. Планшет в его руках дрогнул, но он быстро взял себя в руки.

— Уверен, — ответил он, но в голосе впервые проскользнула нотка неуверенности.

— А почему? Ты проверил его? Или он просто пришел к тебе с предложением?

Дэмиан откинулся, потер переносицу.

— Он пришел сам. Полгода назад. Сказал, что работает в архивах Спарты, что ему надоело смотреть, как они превращают детей в мясо. Предложил доступ к базе за деньги. Большие деньги.

— И ты поверил?

— Я проверил часть данных. Те, что он дал бесплатно. Сверил с другими источниками. Все сошлось.

— А лично ты с ним встречался?

Дэмиан промолчал. Этого было достаточно.

— Всевышний, Дэм. — Я встал, прошелся по комнате. Где-то за стеной снова грохнуло.

— А если он сдаст нас? Если это ловушка?

— Тогда мы оба мертвы, — спокойно ответил Дэмиан. — Но ты же сам хотел рискнуть. Ты сам говорил: шанс есть только раз. Мы пять лет продумываем ходы, но к Спарте не подступиться.

— Одно дело — рисковать в бою. Другое — доверять тому, кого никогда не видел.

Дэмиан положил планшет на стол, повернулся ко мне.

— Ты прав, — неожиданно сказал он. — Я не встречался с ним лично. Я переводил деньги через третьих лиц. Я не знаю его настоящего имени. Все, что у меня есть, — это номер, идентификатор в сети.

Я остановился.

— И ты предлагаешь влезть в Спарту, полагаясь на этого призрака?

— Я предлагаю тебе выбор, Ян. Не просто рискнуть, а выбрать — сидеть в норе еще пять лет и ждать, пока они сами не придут за нами, или действовать сейчас, с тем, что есть.

Я сел напротив него. Взгляд упал на планшет, на мигающую карту, на точку парковки Уралов.

— А если он — подстава?

Дэмиан перевел взгляд на меня. Я видел, как в нем борются осторожность и отчаяние. Его пальцы сжались в кулак, потом разжались.

— Да, риск есть. Ты прав, Ян. Отменяем операцию. Я не могу рисковать тобой.

Тишина.

Я смотрел на Дэмиана. Он смотрел на меня. В комнате завывал ветер, занавески на окнах надувались, как паруса. Где-то в печи тихо щелкнули догорающие угли.

И в этой тишине я услышал себя.

Странно: негромкий голос, не приказ зверя. Просто усталость. Такая глубокая, что дальше некуда. И сквозь нее — злость. Тупая, выжженная злость на годы в норах, на похороны отца, на страх в глазах матери, когда она смотрит на горизонт.

— Я пойду, — сказал я. Голос прозвучал хрипло.

— Что? — Дэмиан не поверил.

— Я пойду, Дэм. С этим планом. С этой формой. С этим призраком в базе данных.

— Но ты же только что...

— Я передумал. — Я провел ладонью по лицу, потер щетину. — Потому что ты прав. Мы семь лет ждали. Семь лет искали возможность. Если сейчас отступлю — никогда не прощу себе.

— Ян...

— Не надо, — перебил я. — Я не герой. Я не идеалист. Я просто устал. Устал смотреть, как они убивают детей. Устал прятаться. Если это ловушка — пусть. Я хотя бы умру в бою. Обещаю утащить за собой многих. Ты знаешь, я это могу.

— Ты уверен?

— Нет, — ответил я честно. Встал. Подошел к окну. Тьма стусилась, и в ней то и дело вспыхивали белые прожилки молний. — Но я все равно пойду.

Дэмиан молчал долго. Потом кивнул — коротко, один раз.

Он протянул мне планшет:

— Я оставлю его тебе, чтобы ты смог все изучить. — Он помолчал. — Завтра, в четыре утра, отправляемся. Будь готов.

— Я готов.

Дэм коротко кивнул, хлопнул меня по плечу и вышел из комнаты. Дверь за ним закрылась с глухим стуком.

Я долго сидел, глядя на темный экран планшета. За стеной Эмма что-то радостно щебетала матери. Гроза приближалась — ветер задувал в щели все сильнее, шевелил занавески на окнах. За окном сверкнула очередная молния, и через секунду гром ударил так, что задрожали стекла. Эмма взвизгнула от восторга.

Я перевел взгляд на планшет, нашел схему Спарты и, изучая ее, наткнулся на список надзирателей. Неосознанно глазами отыскал имя той, которую хранил в своей душе все эти годы. Зверь во мне встрепнулся.

Эвелин Белевская, 22 года.

Не открывай, — шепнул внутренний голос. — Не смотри. Тебе незачем знать о ней что-либо.

Я открыл.

Статус: действующий командующий, группа Спарта-17.

Дальше шли стандартные данные — рост, вес, показатели, оценки инструкторов. Но я не смотрел на них. Я искал главное.

«Последние три месяца: основное время проводит на объекте "Черный беркут". Прикомандирована к отделу психологического воздействия на заключенных. Функционал: участие в допросах, силовое сопровождение, приведение приговоров в исполнение».

«Черный беркут». Детище Михаила. Самое жестокое из всех мне известных.

Я пролистал дальше.

«Поведенческие характеристики: замкнута, контактов с другими солдатами избегает. Приказы выполняет с фанатичной точностью. Дисциплинарных взысканий не имеет. Отмечена командованием за жестокость при подавлении бунта заключенных».

Жестокость.

Я сжал планшет так, что край впился в ладонь.

Ожидаемо. Безупречный солдат. Холодная. Безжалостная. Без страха и без жалости.

Приложение 7. Медицинские показатели.

Это меня не интересовало. И так ясно: она идеальная.

Я погасил экран, положил планшет на колени и закрыл глаза.

Нет. Абсолютно ничего не изменилось.

Глава 16. Мертвая внутри

Эвелин

Черный беркут

Я стояла у стены, сложив руки за спиной. Плечи расправлены. Подбородок поднят. Эта стойка была второй моей формой — такой же серой и безликой.

Отец работал за столом в соседнем отсеке — через толстое стекло я видела его силуэт. Ему не нужно было смотреть, чтобы знать, что я здесь. Что я никуда не денусь. Что я буду стоять и ждать, пока он решит, какое очередное задание мне поручить. Стою, пока не пригожусь. Включаюсь, когда нужно. Выключаюсь — когда надоедаю.

Передо мной операционный стол. Двое в синих халатах склонились над ним. На столе — тело. Оно отдаленно напоминало человеческое.

Кожа — странного серого оттенка. Вдоль позвоночника тянулись металлические импланты — ребра частично заменены на титановые дуги, из-под которых торчали тонкие проводки, уходящие в спинной мозг. Вместо конечностей щупальца, они бессознательно, рефлекторно двигались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.